

Плѣсскій
СБОРНИК

Выпуск
II

ПЛЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДИК

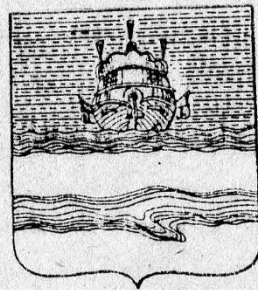
ПЛЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск 2

МАТЕРИАЛЫ V ПЛЕССКИХ ЧТЕНИЙ
"КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ГОРОДА"

Часть I.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Плес - 1995

Очередной выпуск "Плесского сборника" открывает серии публикаций материалов У Плесских чтений "Историко-культурное наследие русского города". В него вошли статьи по древней истории Плеса и Верхнего Поволжья.

Для историков, археологов, студентов, краеведов и всех, кто интересуется проблемами становления русской культуры.

Ответственный за выпуск

Н.И.Травкин

© Плесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ГОРОДЦА И ЕГО ОХРАНА

Т.В.Гусева, г. Н.Новгород

Город Городец, районный центр в Нижегородской области, входящий в список исторических населенных мест, принадлежит к числу древних русских городов.

Он был основан во второй половине XII века и просуществовал до начала XV века, когда в 1408 году был разгромлен войсками Едигея.

Ядром будущего крупного торгово-промышленного села Городца XIX-XX вв. послужила крохотная Слободка Верхняя, располагавшаяся в XVII в. за пределами древнего городища. В XVIII в. на его территории находились лишь Архангельский погост, Троицкая церковь и три малодворных деревни с пахотными угодьями вокруг.

В XVIII-XIX вв. Верхняя Слободка, разрастаясь, заняла северную часть городища, в центральной и южной расположились небольшие деревни Кузнечиха, Подветельное, сельцо Штат. Но по-прежнему основная территория древнего Городца оставалась незастроенной и использовалась под сельскохозяйственные угодья.

Интенсивная застройка началась лишь в середине XX века. Она носила в основном усадебный характер. Значительные площади использовались под сады и огороды. Поэтому разрушению подверглись лишь незначительные верхние пласты культурного слоя, потревоженные распашкой или вскопкой.

Сохранность культурного слоя можно считать удовлетворительной, а его научную информативность достаточно высокой: он, по сути дела, представляет собой закрытый комплекс XII-XIV веков /более ранние напластования на территории городища отсут-

ствует/.

Вместе с сохранившимися земляными городскими укреплениями этого времени культурный слой составляет единый археологический комплекс, который был поставлен на государственную охрану республиканской /ныне федеральной/ категории в 1960 году.¹

Начало археологического изучения Городца было положено в 1960 году раскопками ст. научного сотрудника Института археологии АН СССР А.Ф.Медведева. С 1978 года раскопки в Городце ведутся под руководством автора статьи.

В общей сложности на памятнике в различных частях посада и детинца вскрыто около 5 тыс. кв.м культурного слоя.² Предпринята попытка исследования укреплений, обнаружены как отдельные постройки, так и следы городской планировки, изучены городские некрополи, собрана богатейшая коллекция предметов материальной культуры.

В результате анализа добытого материала удалось не только создать картину развития средневекового Городца, но и определить характер и пути формирования русской культуры на восточной окраине Владимиро-Суздальского княжества.³

Если крупному строительству в обязательном порядке предшествовали археологические раскопки /начиная с 1990 г. раскопки в Городце носят исключительно охранный характер/, то небольшие по объему работы /повторное вскрытие траншей при ремонте коммуникаций, рытье траншей шириной 60-80 см при отводах водопровода от магистрали к частным домам, рытье канавок под ленточные фундаменты и т.д./ велись без археологических наблюдений. Они не были спланированы, по срокам зачастую не совпадали с полевым сезоном. При этом отсутствовал механизм согласования и финансирования подобных работ. Это неизбежно приводило к утратам научной информации, содержащейся в уничтожаемых участках культурного слоя.

Не контролировались и естественные разрушения культурного слоя. Паводковые и грунтовые воды выносили с территории городища на песчаный берег Волги огромное количество средневековых предметов, включая свинцовые шомбы, княжеские вислые печати, предметы христианского культа и прочее. Эти предметы попадали в коллекции местных собирателей древностей и, как правило, становились недоступными для научной обработки.

Чтобы свести утраты к минимуму, необходимо было перейти от отдельных охранных мероприятий к разработке механизма археологического надзора, причем не за отдельными земляными работами, а за археологическим комплексом в целом.

Для этой цели в 1992 году по заказу Городецкого отдела культуры были разработаны рекомендации по режиму охраны и использования культурного слоя и земляных укреплений древнего Городца. Они легли в основу практической деятельности, осуществление которой в полном объеме началось с 1993 года.

Остановимся на охране культурного слоя как наиболее уязвимой части археологического комплекса.

Современная застройка территории древнего Городца носит преимущественно жилой характер сельского типа с приусадебными участками. Это влечет за собой интенсивную хозяйственную деятельность /копка и распашка огородов, прокладка водопровода, рытье хозяйственных ям/. Расположенные в границах средневековых укреплений отдельные предприятия и учреждения также ведут текущую хозяйственную деятельность, нарушая при этом целостность культурных напластований.

Отсутствие единого пользователя в значительной степени затрудняет осуществление контроля за режимом использования участков с культурным слоем и требует, в первую очередь, от администрации четких, продуманных и грамотных действий.

Опираясь на ст. 74 Закона "О местном самоуправлении", Городская администрация распоряжением главы администрации определила:

- порядок заключения охранных договоров на участки культурного слоя в пределах владений как физических, так и юридических лиц;
- порядок согласования земляных работ;
- порядок проведения охранных археологических исследований;
- порядок привлечения к административной ответственности за нарушение режима охраны и использования археологического комплекса.

Контроль за выполнением распоряжений возложен на Социально-культурное Управление при городской администрации, в штат которого введена должность инспектора по охране историко-культурного наследия. В число его обязанностей входит заключение охранных договоров, контроль за их исполнением, согласование земляных работ на территории охраняемого культурного слоя, прием заявок на архнадзор за земляными работами на отдельных объектах, подготовка документов для административной комиссии по случаям нарушений.

Работа государственного инспектора ведется в тесном контакте с археологами. В их обязанности входят:

- формирование группы археологического надзора за комплексом;
- ежегодный техосмотр комплекса;
- археологические наблюдения при производстве мелких земляных работ;
- организация и проведение охранных раскопок;
- выполнение охранных мероприятий в случае естественных разрушений.

Установленным режимом охраны и использования культурного слоя на участках, используемых под личные огороды, разрешается

распашка /копка/ культурного слоя на глубину не более 20 см.

В случае прокладки или ремонта коммуникаций /повторное вскрытие траншей/, рытье выгребных ям и канавок под ленточные фундаменты предусмотрены обязательные археологические наблюдения в процессе земляных работ. При планировании строительства, предполагающего рытье котлованов, предусматриваются упреждающие охранные раскопки.

По уже сложившейся традиции группа археологического надзора формируется на базе историко-археологического центра "ИКС" и берет на себя организацию работы общественной инспекции. В задачи общественной инспекции, в первую очередь, входит выявление случаев нарушения режима использования археологического комплекса.

Несмотря на то, что механизм согласования за два года достаточно отработан, нарушения выявляются ежегодно. Двухлетний опыт работы убедил в необходимости патрулирования территории памятника с апреля до середины ноября, то есть в период наиболее активного проведения земляных работ. Для этого достаточно группы из пяти человек.

Ежедневный обход территории позволяет выявить либо нарушения в начальной стадии, либо их намерения. Это, в свою очередь, дает возможность в большинстве случаев предотвратить разрушение культурного слоя, выполнить археологические наблюдения в максимальном объеме и избежать привлечения нарушителей к уголовной ответственности. Все, кто когда-либо пробовал это сделать, знают, что отсутствие подзаконных актов по охране памятников и судебная волокита сводит на нет все попытки наказать виновных.

Другая задача общественной инспекции - постановка на контроль полученных от государственного инспектора заявок,

уточнение и согласование сроков, характера и времени проведения работ. Археологические работы при этом удается проводить оперативно, не нарушая цикла основных работ.

За два года работы по архнадзору было обследовано около 50 объектов как на детинце, так и на посаде. В результате выполнены не только охранные, но и научные задачи:

- выявлены участки с интенсивной средневековой застройкой, перспективные для научных исследований в будущем;
- получена ценная информация по специфике формирования культурного слоя как на посаде, так и на детинце;
- получен разрез вала детинца, практически недоступного для специального исследования;
- обнаружены остатки посадского вала на участках, традиционно считавшихся разрушенными;
- собран материал из закрытых комплексов, в том числе пригодный для радиоуглеродного анализа.

В 1992 году была проведена большая работа побору вешевое материала на участках перестроенного культурного слоя на берегу Волги. В результате найдено более тысячи средневековых предметов.

Учитывая федеральный характер памятника, расходы по тахосмотру и архнадзору берет на себя областной бюджет. Охранные раскопки ведутся за счет застройщиков. Финансирование охранных археологических мероприятий в случае естественных разрушений ведется через местную администрацию.

Просветительская работа с населением проводится по инициативе и на средства Центра "ИКС". Она нацелена на формирование современного грамотного пользователя такого специфического вида памятника, как культурный слой, превращение пользователя из потенциального /или реального/ нарушителя в единомышленника и помощника. Специальная программа, разрабо-

танная Центром, предусматривает работу с различными возрастными группами населения, начиная с младших школьников. Общественная инспекция целиком состоит из учащихся. Результаты археологических работ регулярно освещаются средствами массовой информации. Традиционны "Закртия археологических сезонов", проводимые совместно с Городецким музеем для широкой общественности.

Думается, что опыт, накопленный в Городце, может быть полезен и для других малых городов России. Достижение положительного результата возможно только при взаимодействии трех сторон: административных органов власти, специалистов-археологов и непосредственных пользователей памятника. Попытка одностороннего решения проблемы обречена на неудачу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурный слой и укрепления Городца поставлены на охрану Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г.
2. Памятник занимает территорию около 80 га.
3. Гусева Т.В. Материальная культура русского населения Нижегородского Поволжья в XII-XIV вв. // В памяти Отечества. Гоґ кий, 1969.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПЛЕССКОГО ЮВЕЛИРНОГО
ИСКУССТВА

П.Н.Травкин, г.Плес

Восемь полевых сезонов Плесской археологической экспедиции позволили выявить в Плесе и его ближайших окрестностях целый ряд свидетельств активного развития ювелирного дела начиная с рубежа эпох бронзы и раннего железа.

В 1923-24 гг. в городе на горе Холодной были исследованы раскопками культурные напластования указанных эпох. На месте древнего селища сохранились остатки двух производственных комплексов — кострища, содержавшие характерные находки.

Древнейший комплекс располагался у северо-западного склона площадки памятника. Он представлял собой линзообразную яму размерами 1,5 x 1 м и глубиной 0,3 м, заполненную колотым камнем и углем с зольными прослойками. Надежным свидетельством связи кострища с ювелирным делом является нахождение здесь обломков керамического сошла мехов. То, что обломки связаны не с железоделательным производством, как будто бы доказывают находки в кострище фрагментов керамики эпохи бронзы /сосуды с широким туловом/, а также полное отсутствие на селище железных предметов.

К I половине I тыс. н.э. относится второй комплекс — в юго-западной части памятника. Здесь среди обожженного камня, углей, зола, кальцинированных костей встречены обломки четырех чашевидных тиглей для плавления цветного металла и глиняная формочка для отливки изделия /поясной накладки ?/ в виде ложнозерновой пирамидки /рис. I, I/.

Далее, соблюдая хронологическую последовательность, необходимо обратиться к материалам Алабужского /Пеньковс-

Рис. I. Находки с селища "Холодная гора" /I/ и городища "Пеньки" /2-4/, связанные с ювелирным делом.
I — глина; 2, 4 — свинцово-оловянный сплав;
3 — бронза.

кого городища, предшествовавшего Плесу военного и ремесленного центра округи. В течении всех шести сезонов на территории памятника встречались следы ювелирного дела, и более всего — обломки глиняных инструментов, льячков и тиглей, хронологический диапазон которых может включать, в основном, вторую половину I тыс. н.э. Один из наиболее ранних льячков имел небольшие размеры и орнамент в виде ряда из трех ромбов. Наиболее поздний, из ювелирного комплекса с воздуходувным земляным каналом, отличался более крупными размерами и выступом-подхватом для клещей вместо традиционного отверстия с тыльной стороны. Тигли имели форму стаканчиков с вертикальными стенками и округлым дном; форма эта оставалась в регионе традиционной вплоть до XV-XVII вв.

Безусловно большая часть изделий из цветного металла, найденных на городище, была изготовлена местными мастерами, поскольку при наличии аналогичных изделий на других памятниках алабужские по-своему оригинальны. Древнейшие из них могут быть датированы первыми веками н.э.: умбоновидная биллоновая височная подвеска и обломок медной умбоновидной бляшки. Ко 2 пол. I тыс. н.э. относится большая часть изделий: перстни типа обручальных и в виде спирали, браслет с раскованными концами, пронизки, скльгамы, накосник, конусовидная и бутылчатая привески, полушарная бляшка-скорлупка и поясная квадратная накладка. Бесспорно местной продукцией могут считаться застежки-скльгамы с рифленным кольцом и трубчатые пронизки VII-VIII вв. н.э.: они были найдены как в виде готовых изделий, так и в виде испорченных отливок /рис. 1, 2-4/. Наиболее поздним известным на сегодняшний день местным изделием может, видимо, считаться многочастная свинцово-оловянная пронизка, имитирующая шнур, из грунтового захоронения. Подобные ей были встречены и среди курганных древностей XII-XIII вв. в плесской округе.¹

Среди курганных древностей, как отмечал Е.А.Рябинин, много изделий местного производства. После открытия усадеб плесских ювелиров домонгольского времени стали более конкретными и адреса изготовителей. Так почти наверняка в Плесе изготавливались упрощенные имитации трехбусинных височных подвесок. Они найдены в позднейшем захоронении городского домонгольского некрополя и в некоторых захоронениях на окрестных курганных кладбищах. То же можно сказать и в отношении перстнеобразных височных колец, в том числе со скругленными концами и с напусными мегаллическими бусами: височные кольца и проволока были найдены на месте мастерских.

Там же, в одной из раннесредневековых посадских усадеб, обнаружена биллоновая отливка подвески в виде ростка, крупная металлическая бусина с напаянными колечками, биллоновая же имитация серебряных перстней из кладов в районе Киева.² Судя по встреченным в производственных комплексах отливкам и заготовкам отдельных деталей характерных форм, здесь же для нужд финноязычной округи и для самих плесли-язычников производились вотивные шумящие подвески - вместилища душ умерших предков. Наконец, в одной из усадеб хозяин-ювелир занимался инкрустированием костяных гребней, пропуская в просверленные отверстия медную проволоку в определенной орнаментальной последовательности.

Всего на территории домонгольского Плеса на сегодняшний день прослежены 4 усадьбы ювелиров. Все они располагались в восточной части посада, шли сплошным рядом вдоль берега Волги и представляли собой, видимо, небольшое корпоративное объединение в рамках одной улицы. Обращает на себя внимание сохранение мастерами древних местных традиций как в технологии, так и в декоративно-художественном аспекте. Судя по некоторым археологическим данным, и сами мастера были выходцами из местной финской среды.

После орднского разорения 1237-38 гг., когда Плес подвергся участи всех поволжских городов, ремесленное производство в нем восстановилось достаточно быстро. Следы работ ювелиров 2 пол. XIII-XIV вв. были отмечены во время исследований плесской крепости. Находки в целом те же, что и в городских слоях домонгольского времени: обрезки и остатки рулонов листовой меди, проволока, обломки тиглей и шлаки с застывшими каплями металла.

В слоях XV в. на территории крепости следы обработки цветного металла отсутствуют. Единичные находки происходят с

территории посада /правый берег р.Шохонки/, где в переотложенном слое был найден крупный тигель /по аналогиям, XV-XVII вв./ и несколько менее значительных вещей.³ Возможно, вынос производств за пределы в целом достаточно обширной крепости стал одним из последствий создания в 1410 г. московским княжеством волжского таможенно-оборонительного поста и возведения в связи с этим новых крепостных сооружений. Во всяком случае материалы раскопок свидетельствуют лишь о пребывании в крепости воинов и о наличии домов постоянных жителей, основным занятием которых было, видимо, содержание в порядке крепостных востроек. При этом остатки каких-либо мастерских не обнаружены.

Видимо, ситуация в Плесе в XV-XVI вв. послужила определенным катализатором возникновения ювелирного дела в соседних селах: Красном и Сидоровском. Подобное ремесло не могло возникнуть в сельской местности само собой. Оно было принесено сюда из близлежащего города с уже сложившейся производственной традицией. Подобная "подпитка" наблюдалась и в XVIII веке: плесский купец Сорокин организовал в с.Красном одно из лучших производств. Вполне отчетливо в изделиях красносельских мастеров прослеживается и преемственность художественных традиций.

Промысел сохранился и в самом Плесе. В 1857 году здесь работали 4 мастера, продукция которых, учитывая немногочисленность горожан, находила рынки сбыта за пределами города.

Художники братья Чернецовы в XIX в., проплывая по Волге, отметили, что в Плесе издавна работали резчики печатей. Резьба по камню и кости в рассматриваемой теме могла бы составить отдельный аспект. Не акцентируя внимания на частностях, можно лишь констатировать наличие достаточно большого количества соответствующих археологических образцов на всех вышеупомяну-

тых памятниках. В целом же тема достойна подробного раскрытия вне связи с металлообработкой.

Преемственность ювелирных традиций в Плесе и плесской округе, начиная практически с эпохи бронзы и кончая сегодняшним днем, вполне очевидна. Она прослеживается как в технологическом, так и в художественном аспекте. Все это время производство базировалось на привозном сырье /медь, серебро, свинец, олово/. Сегодня оно испытывает в Плесе новый подъем, и при этом многие мастера в своем творчестве обращаются к древним образцам, перечень которых, в свою очередь, расширяется благодаря ежегодно проводимым раскопкам археологических памятников региона.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.Рябинин А.Е. Зооморфные украшения Древней Руси.// Свод археологических источников. Вып. Е-1-60. Л.,1981,с.117.
- 2.Травкин П.Н. Ремесленные работы в усадьбе плесского раннесредневекового посада.// Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып.1. Иваново,1989.
- 3.Овсянников О.В., Царькова Л.А. Охранные работы на территории застеня и Окольного города в 1973 и 1974 гг.// Археологическое изучение Пскова. М.,1983, с.131.

В 1994 г. были продолжены археологические исследования центра города: от устья р.Шексны, левого притока Волги, до устья р.Черемухи, ее правого притока.

Работы на правом берегу Волги окончательно доказали ошибочность умозрительного заключения о нахождении наиболее древней части Рыбной слободы на территории Казанского конца /мыс при впадении Черемухи в Волгу/. Культурный слой здесь нельзя датировать ранее XVII в., началось же заселение правобережной части современного города, по-видимому, не ранее XIV в., причем первоначальная территория этой части поселения располагалась вдоль Волги, между Клубным переулком и ул.Бородулина - куда вносит свои воды р.Шексна.

Наиболее интересные результаты дал шурф площадью 35 кв.м во дворе домов № 4,6 по Пионерскому переулку. В нем, в частности, обнаружена на гл. 200 см хорошо сохранившаяся деревянная мостовая шириной свыше 5 м. В площадь шурфа попала ее западная граница, ограниченная брусом и канавкой для оточных вод, через которую перекинут дощатый мостик, ведущий через неширокий бревенчатый "тротуар" во двор усадьбы. Образцы 10 бревен из мостовой сданы на дендрохронологический анализ, однако, судя по находкам, из которых наиболее интересна золотоордынская серебряная монета хана Джанибека 1346 г., уже сейчас можно датировать комплекс концом XIV - началом XV вв.

Почти во всех шурфах на правом берегу Волги отчетливо фиксируются следы пожара и разорения слободы начала XVII в. /"пан-захватчик Лисовский"/. В нынешнем году в этом слое обнаружена серебряная монета польского короля Сигизмунда III

/1599 г./, серебряная копейка Бориса Годунова, каменные и металлические ядра, обломки железного оружия и т.п.

На левом берегу Волги в 1994 г. заложены шурф площадью 34 кв.м и раскоп площадью 180 кв.м, "прирезанный" к раскопу 1993 г.

В шурфе обнаружены остатки срубов, построенных на одном месте сначала в XI, а затем в XVIII в. Верхний сруб /XVIII в./, по-видимому, был кабоком. В нем обнаружены десятки глиняных курительных трубок со штампованным орнаментом, многочисленные осколки стеклянных штофов с клеймом кабатчика, медные монеты времен Елизаветы и Екатерины.

Нижний сруб, значительно пострадавший при постройке и заглублении верхнего, относится к одному из самых древних, обнаруженных нами к настоящему времени /видимо, к XI в.; дендрохронологическая дата будет получена в 1995 г./ Из находок можно отметить фрагмент серебряного арабского дирхема нач.X в. и сферическую гирьку для весов.

В раскопе, помимо остатков двух печей для сыродутного производства железа, являющихся продолжением металлургического комплекса, исследуемого нами с прошлого года, интересной находкой домонгольского периода является конструкция, представляющая собой как бы вложенные друг в друга 4 деревянные чаши диаметром 2-2,8 м, выточенные /выдолбленные/ из целых кусков деревьев и разделенные между собой 20-25 -сантиметровым слоем глины. Две чаши сторели, а нижняя и верхняя сохранились удовлетворительно. Зачем предназначалась эта конструкция, пока не ясно, аналогов не найдено. Возможно, в этих деревянных чашах кузнецы и литейщики находившегося рядом металлургического комплекса закаливали или просто охлаждали свои изделия /хотя следов окалины в них не обнаружено/. Воз-

можно, это христианская купель. Возможно — чаны для приготовления какого-либо напитка.

Особенностью этого года являются находки достаточно многочисленных финно-угорских /мерянских в том числе/ предметов быта и украшений, обнаруженных на памятнике Усть-Шексна 2, расположенном в 100-140 м выше по течению Шексны памятника Усть-Шексна 1. Это, в сочетании с другими косвенными признаками, позволяет сделать предположение о раздельном существовании памятников в к. XI — I пол. XII вв.. Если Усть-Шексна 1 на рубеже XI-XII вв. представляла собой чисто славянское поселение городского типа, то Усть-Шексна 2, вероятно, была поселением сельского типа, с преобладанием мерянского населения над славянским. И лишь к к. XII в. оба поселения слились /разделяющая их полоса обусловлена хозяйственным использованием данной территории в XX в./, образовав единый древнерусский городок.

ЛИТЕРАТУРА:

Г. Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н. Некоторые итоги археологического исследования Рыбинска в 1991-93 гг. // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов, 1994, с. 179-183.

Рис. 1. Зачистка шурфа в Пионерском
переулке на глубине 200 см

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЦЕНТРОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВОЛОСТЕЙ
/СЕВЕРНОЕ ПОДМОСКОВЬЕ/

В.И.Вишневский, г.Сергиев Посад

Вопрос археологического изучения центров средневековых волостей /станов/ достаточно нов. Нами исследовались некоторые археологические памятники Северного Подмосковья под углом проблемы происхождения названий средневековых волостей.

Еще Ю.В.Готье обратил внимание на то, что названия волостей /станов/ связаны либо с центром, к которому тяготеют населенные пункты данной волости, либо с рекой, вдоль которой эти поселения расположены.¹ М.К.Львовским были отмечены волости "с самостоятельными, не заимствованными от рек, озер и других урочищ, нерусскими именами, ведущими свое происхождение несомненно от инородческих местных обществ, которые прослоились русскими поселенцами и с течением времени обрусели".²

Действительно, на территории Переяславского, Пошехонского, Ростовского и Суздальского уездов мы встречаем ряд названий волостей /станов/ с явно финскими корнями: Мерские станы в Костромском уезде, Ликурги, Иледам, Шухомаш /их отмечал Е.А.Рябинин/³ Киучер, Шурма, Серебож, Инобож, Кинела, Арбужовесь, Патробол, Шаготь, Шелшедам, Шигорош, Караш, Шихеда, Шухобал, Шебал. Интересно, что таких названий почти нет в Московском уезде⁴, что согласуется с признанными территориями финской и балтской гидронимий. Добавим, что не меньшее количество названий волостей /станов/ в упомянутых уездах происходит от имен рек, также с финскими корнями.

Еще раньше Н.Н.Ворониным была высказана мысль о том,

что волость /погост/ – сельское общинное самоуправление заменяется станом – территориальной единицей княжеской администрации.⁵ Исследователем археологии мери А.Б.Леонтьевым было отмечено, что древнерусское население осваивало в первую очередь участки мерянских поселков и, таким образом, география расселения мери определяет географию и административные границы Ростовского княжества.⁶ Заметим, что совпадение мерянских /позднедьяковских/ и славянских поселений закономерно, так как и те и другие стремились занять подходящие для пашен и пастбищ ровные террасы озер и рек. Недавние находки на ряде мерянских и позднедьяковских поселений остатков зерен и их отпечатков на керамике подтвердили земледельческо-скотоводческий характер хозяйства аборигенов Волго-Окского междуречья.⁷

В северо-восточном углу Московской области, где нами были проведены разведки и раскопки центров трех волостей, существует стабильная сеть финноязычных топонимов; гидронимы: Яхрома, Махра, Курга, Кончура, Вондига, Кинела, Пильбеж, Инобож; ойконимы: Атебал, Нушпола, Серибож, Вербилки. По В.В.Седову, здесь проходит граница балтской и финской гидронимий /балтские гидронимы: Веля, Боря, Козелка, Пажа/⁸

Центр волости Радонек на реке Паже, неоднократно посещавшийся археологами, представлен ныне городищем XIV в. /слой на нем уничтожен/ и селищем-посадом XIV-XVII вв. Однако на селище нами собраны вещи XI-XIII вв.: цилиндрический замок, железный псалый /рис.1,3-4/, фрагменты стеклянной посуды. В неопубликованном отчете Н.П.Милонова 1936 года среди находок упомянуты монгольские вещи: шиферные пряслица и бронзовые бубенчики. Важно в связи с этим упоминание Ю.Г.Гендуна о курганах, распаханных в 1901 году близ Радо-

нежа. Рядом с посадам в 1988-89 гг. нами был исследован грунтовый могильник XVI-XVII вв. с белокаменными надгробиями.

Слои дославянского времени в Радонеже уничтожены, однако на городище найдена бронзовая подвеска-медведь, датируемая в Прикамье VII-VIII вв., а на территории селища - бронзовая шумящая подвеска IX в., имеющая аналог на мерянском Дурасовском городище /рис. I, I-2/.

Центр Вышегородского стана /Вышегород-на-Яхроме/ был локализован еще С.Б.Веселовским и М.Н.Тихомировым на городище "Баранова гора" у с.Ильинского. В 1932-33 гг. О.Н.Бадер обнаружил на городище слой XIV-XV вв., а в окрестностях - две курганные группы. Сведения краеведов о находке на городище "сетчатой" керамики не подтвердились. Разведки П.А. Раппопорта 1954 года не внесли существенно нового.

Разведкой, проведенной нами в 1993 г., был обнаружен посад древнего Вышегорода-на-Яхроме - селище XII-XV вв. площадью около 10 га с находками фрагментов стеклянных браслетов /рис. I, 5-6/, грунтовый могильник XV-XVI вв. с белокаменными надгробиями, в окрестностях открыто 2 селища XII-XV вв., а на городище был обнаружен культурный слой с позднедьяковской лепной керамикой середины - второй половины I тыс. н.э. - фрагменты сосудов высоких пропорций с воронковидным горлом и орнаментацией края венчика /рис. I, 7-8/.

Центр стана Серебож был локализован еще М.И.Смирновым: это исчезнувшее село Серебож, ныне Никольский погост на р.Дубна. Здесь в 1928 г. Б.С.Жуков открыл стоянку каменного века, а в 1940-60-х годах А.Я.Брисовым и В.М.Раушенбах зафиксированы могильник бронзового века, селище раннежелезного

века, грунтовый и курганный могильники XII-XIII вв.

Проведенная нами разведка 1993 года обнаружила на кладбище у Никольской церкви остатки уничтоженного слоя древнерусского селища XII-XIII вв. /с.Себеж/: фрагменты курганной керамики, наконечник стрелы, шиферное пряслице, бронзовую пуговицу /рис. I, 12-14/. Здесь же найдены остатки некрополя XVI-XVII вв. - фрагменты белокаменных надгробий, а также остатки дьяковского селища - фрагменты лепной керамики. Дьяковские материалы, полученные В.М.Раушенбах, позволяют датировать селище серединой I тыс. до н.э. - V-VII вв. н.э.. Конечная дата определяется находками: железным двушипным наконечником стрелы, фрагментом бронзовой подковообразной фибулы с эмалью, фрагментом бронзовой колокольчатой подвески с треугольными прорезями /рис. I, 9-11/.

В заключение заметим, что хотя еще почти половина всего количества средневековых волостных центров пока не локализована и не исследована, тем не менее можно с уверенностью предполагать, что на территории Северного Подмосквья со сложившейся племенной структурой местного финского /позднедьяковского/ населения центры древнерусской администрации совпадали географически с родоплеменными центрами аборигенов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Готье М.В. Замосковский край. М., 1937, с.98-99.
2. Любовский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, с.175.
3. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986, с.128.
4. Готье Ю.В. Указ. соч., с.371-407.
5. Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. // Известия ГАИМК. Вып. 133. Л., 1935, с.50.

6. Леонтьев А.Е. Археология Мери. - Автореф. докт. дисс. М., 1991, с.40.
7. Вишневецкий В.И. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья. // СА, 1994, № 3, с.223-226.
8. Седов В.В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья. // Древнее поселение в Подмоскowie. МИА № 184. М., 1971, с.99-113.
9. Милонов И.П. Археологические исследования некоторых раннефеодалных городов. 1936. - ОР РГБ, ф.177, картон 46, ед. хр.43. -Л.30.
10. Гендуна Д.Г. О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях в 1901 году. - Архив ИИМК, ф.1, № 39.-Л.18.
11. Вишневецкий В.И., Лушув А.Е. Подвеска-медведь из Радонежа. // Археологические памятники Волго-Клызьминского междуречья. Иваново, 1990. Вып.4, с.6-8.
12. Горюнова Е. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА № 94. М., 1961, с.110, 114.
13. Бадер О.Н. На трассе канала Москва-Волга. // Известия ГАИМК. Археологические работы Академии на новостройках в 1932-33 гг. М., 1935, с.51-52.
14. Раппопорт П.А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК, Вып.62. М., 1956, с.118-128.
15. Вишневецкий В.И. Разведки Сергиево-Посадского музея-заповедника. // АО 1993 года. М., 1994, с.51-52.
16. Смирнов М.И. Актография Переславль-Залесского уезда в XVII веке. // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып.У. Переславль-Залесский, 1928, с.110.

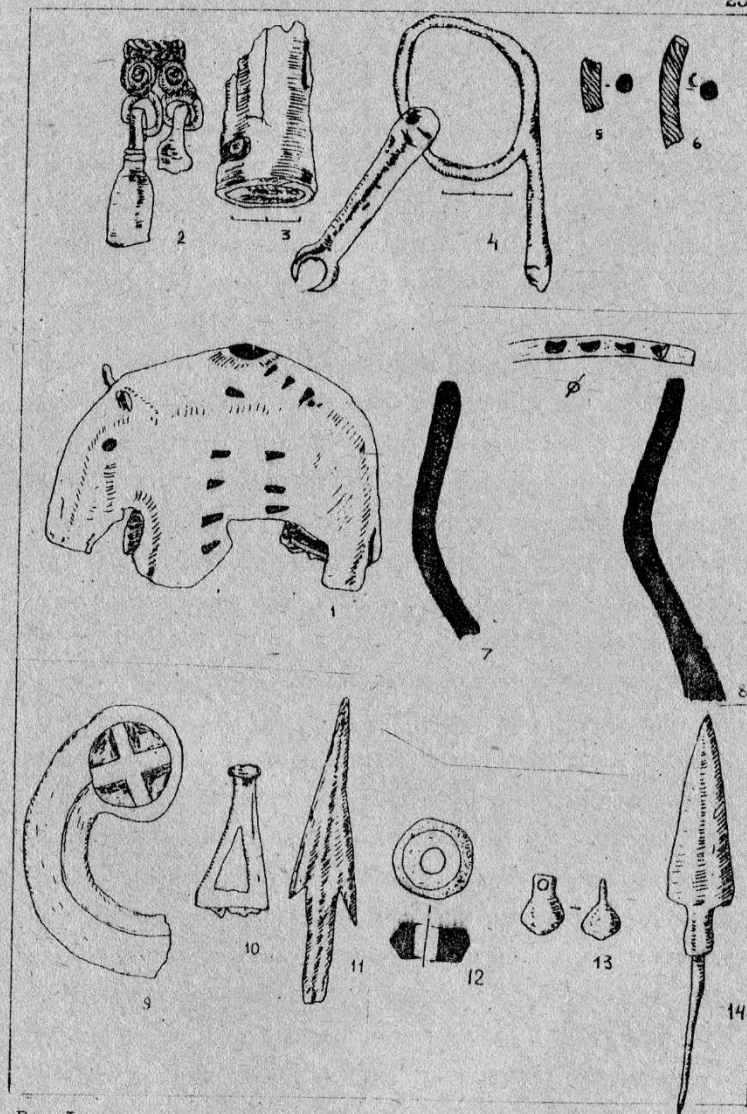

Рис.1.

ПОГРЕБЕНИЯ ПОД "СВОДОМ" У СЕЛА ИЗБРИЖЬЕ

Ф.Х.Арсланова, г.Тверь

Этническую неоднородность населения Тверского Поволжья можно проследить, преимущественно, по погребальным комплексам. Материалы средневековых курганов характеризуют быт, мировоззрение, социальную структуру общества и этнографические особенности населения русской деревни X-XII вв. Разнообразный обряд погребения, четко фиксируемый в Избрижской курганной группе Калининского района Тверской области, достаточно убедительно свидетельствует о полиэтничности сельского населения изучаемого района.

Культура населения исследованных нами памятников у с.Избрижье синтезирует восточнославянские, финские и, отчасти, балтские элементы. Иноэтническое влияние прослеживается, преимущественно, в устройстве погребального сооружения и составе сопровождающих вещей.

Единство похоронных ритуалов /погребения в ямах головой на запад, отсутствие инвентаря/ наблюдается в памятниках I пол. XII в.. Истоки этого единства объясняются начавшимся процессом христианизации в среде сельского населения Тверского Поволжья, причем устойчивые следы языческой погребальной обрядности сохраняются до сер.XII в.. В связи с этим заслуживает особого внимания похоронный ритуал и набор сопровождающих вещей в двух погребениях, совершенных под "сводом" и составляющих 1,6 % от общего количества исследованных захоронений /124/ в Избрижском могильнике.

Памятники с глиняными "сводами" /заливкой/ широко известны в районах Верхневолжья. Они хорошо изучены рядом исследователей, отметивших характерные признаки погребального обряда, присущие субстратной финно-угорской культуре.¹

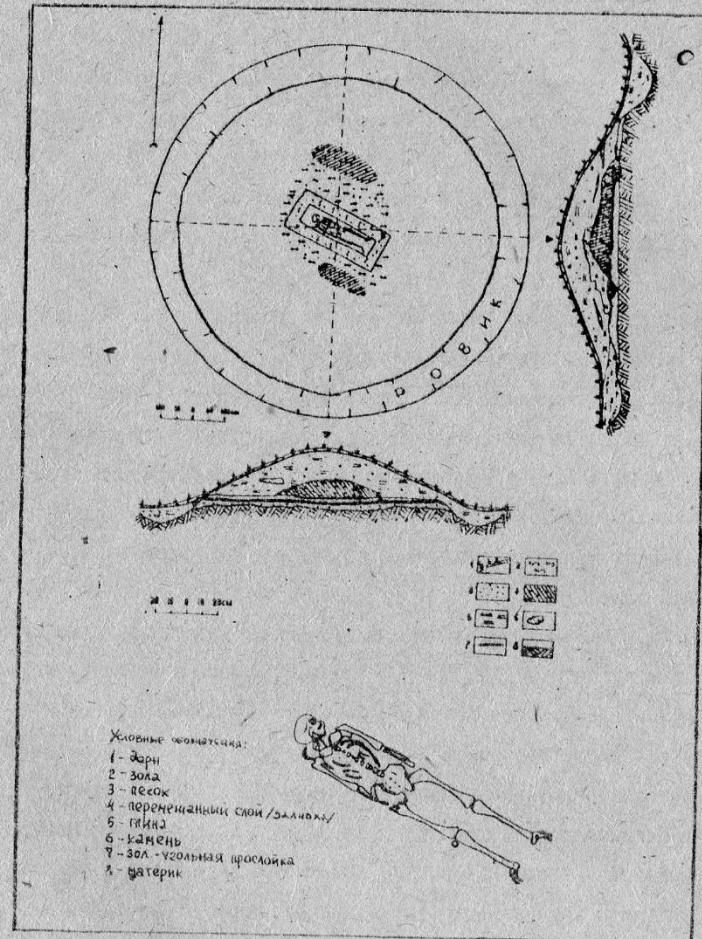

Рис.1. План и профиль кургана 27 у села Избрижье.

ческий ритуал: умерший был положен в деревянный гроб /колоду/, накрытый берестяным покрывалом $2,5 \times 0,6 \times 0,02-0,04$ м/, вытянуто на спине, головой на северо-запад /лицевой частью к востоку/, с вытянутыми вдоль туловища руками. В свою очередь, захоронение совершено на специально разведенной площадке диаметром 8 м и высотой около 0,4 м, после очищения ее ритуальным огнем.

Типичен для славянской посуды найденный здесь гончарный широкогорлый горшок, диаметр венчика которого больше высоты, дно широкое; наибольшее расширение тулова находится на уровне второй трети его высоты /от дна/; венчик слегка отогнут наружу, край его горизонтально срезан; орнамент нанесен по всей поверхности в виде неправильных, находящихся одна на другую, линий; в качестве отделителя использована мелкозернистая дресва; на дне видны следы подсыпки из крупнозернистого песка; обжиг неравномерный, внешняя поверхность красновато-коричневого цвета с черными пятнами; внутри - на шейке и верхней части тулова - сохранились остатки пригорелой пищи, что свидетельствует об использовании этого сосуда в быту, по прямому назначению /рис.4,21/. Наиболее близкой аналогией является горшок из мужского погребения кургана 124 у с.Избрижья, датированный второй половиной XI в.⁴.

Два западноевропейских денария,чеканенные в Бьрибурге при епископе Еруно /1034-1045 гг./ и в Бьере при герцоге Ордульфе /Отто/ в 1059-1071 гг., были оставлены умершему у правого предплечья и в насыпи, согласно языческому ритуалу, в качестве платы за переход в загробный мир. О существовании обичая "обла мертвого" у избрижцев свидетельствуют находки монет в курганах /преимущественно 2 пол.XI в./ с погребениями мужчин и подростков-мальчиков. Одни исследователи связывают этот обичай с этническим /финно-угорским/ происхождением

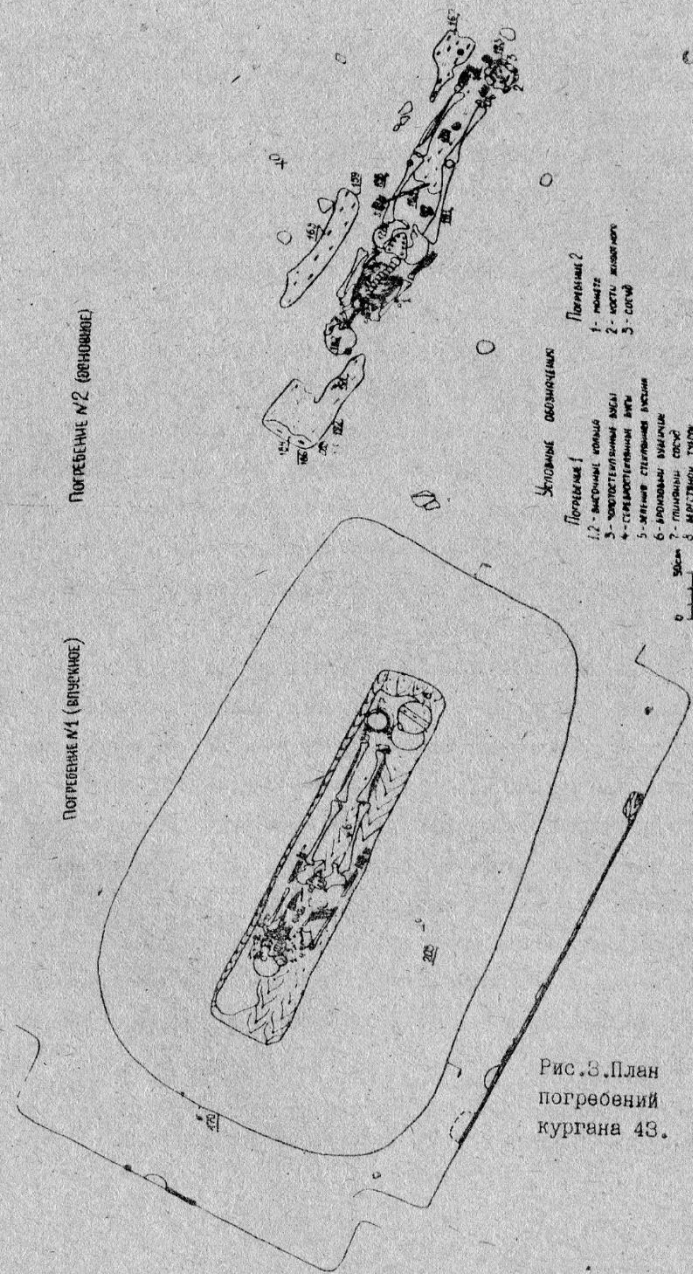

Рис.8. План погребений кургана 48.

ем,⁶ другие склонны объяснить его особым социальным положением погребенного.⁷ Нестандартным в этом погребении является зафиксированный обычай, связанный с положением куска мяса от жертвенного животного /овцы?/, достаточно широко распространенный у финноязычного населения /весь, мера/. В насыпи на глубине 1,7 м был обнаружен обломок бронзового круглого в сечении стержня с отверстиями на концах, возможно, это деталь от весов.⁴

Перечисленные общеславянские и финно-угорские ритуалы в погребальном обряде мужчины являются свидетельством синкретизма в религиозных представлениях язычников Тверского Поволжья. Обращает на себя внимание тот факт, что финские элементы в этом кургане преобладали в женском захоронении.

"Заливка" над четырехугольной могильной ямой /3,4 x 2,1 м, глубина 0,55 м/ в виде полусферического возвышения /высота 76 см/ на площади 3,4 м /севера на юг/ x 3,3 м /с запада на восток/ состояла из плотно спрессованной серой массы, включающей в себя глину с примесью золы, мелких кусочков древесного угля и, возможно, извести. Под заливкой на дне могилы сохранилась деревянная колода /2,24 x 0,4-0,45 x 0,08 м/, покрытая берестяным покрывалом. Погребенная была положена на спину, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-запад /лицевой частью к северо-востоку/.

Своеобразен набор украшений ритуального головного убора и верхней одежды погребенной. От головного убора сохранилась налобная тесьма шириной 1,5-1,8 см, изготовленная из крученой

⁴ Мужское погребение было частично разрушено при сооружении введного захоронения женщины в северной части насыпи.

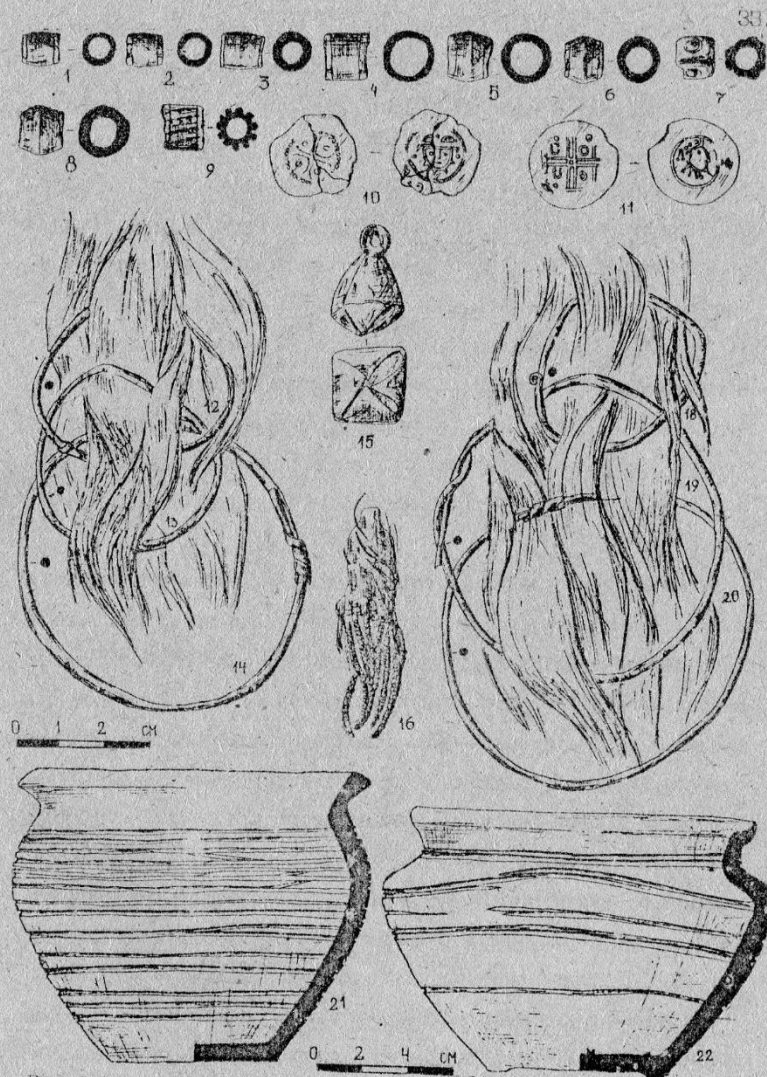

Рис.4. Вещи из кургана 43: 1-9, 11-20, 22 - погребение 1; 10, 21 - погребение 2. 1-9 - стекло; 10-11 - серебро; 12-15, 16-20 - бронза; 16 - ткань; 21-22 - обожженная глина.

нити, которая в конце завершается шестью свисающими шнурами /длина 2 см/, образующими бахрому /рис.6/. Особый интерес составляет состав височных колец, надетых на тесьму, через которые были пропущены пряжа и волос. Перстнеобразные с заходящими концами /рис.4,13/ и загнутоконечные /рис.4,18/ кольца, характерные для "славянизированных потомков финноязычного населения",⁸ надеты совместно с типично кривическими браслетообразными кольцами, завязанными на один конец /рис.4,12,14,19-20/. Аналогичный набор височных колец и система крепления их к налобной ленте из крученых нитей /рис.4,16/ был зафиксирован в ряде женских погребений I пол. XI в. Избрижя. Славяно-финская атрибуция состава украшений сакральной одежды и обряда погребений в этих курганах не вызывает сомнений.⁹

Бейное ожерелье было составлено из 25 стеклянных бусин, оытовавших в конце X - начале XIII вв.¹⁰ Часть из них была изготовлена в Византии путем навивки трубочки с последующим разрезанием ножом. Это четыре золоченные /с металлической прокладкой/ цилиндрические бусы с цилиндрическим центрированным отверстием, края выпуклые и ровные; датировка - XI-нач.XII в. /рис.4,1/.¹¹ Две золоченные бочонкообразные бусины с цилиндрическим центрированным отверстием, с выпуклыми и плоскими ровными краями /рис.4,5-6/; основа и поверхность из прозрачного стекла, между ними - золотая фольга; датируются X-нач. XII вв.¹² Особый интерес вызывает цилиндрическая бусина - золоченая с коническим центрированным отверстием и плоским ровным краем. На ее поверхности нанесен декоративный элемент /"кружковый орнамент"/ в виде трех борозд и трех кругов между ними /рис.4,7/. В избрижской коллекции, насчитывающей более 3000 экз., эта бусина является единственной, датируется она X-XI вв.¹³ Серебряные /с металлической прокладкой/ бусы

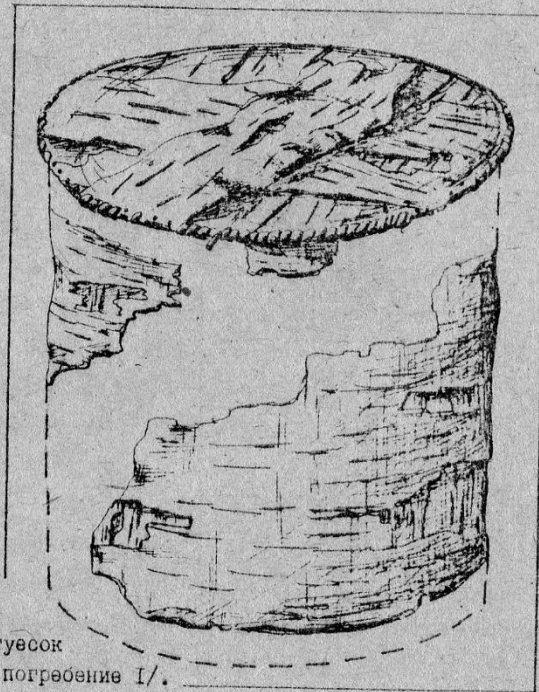

Рис.5.
Берестяной туесок
/курган 43, погребение I/.

/рис.4,3-4/ представлены цилиндрической формой /2 экз./ и цилиндрическими ребристыми /3 экз./ с центрированным цилиндрическим отверстием. Первые относятся к XI в., вторые - к I пол. XI в.¹⁴ Из прозрачного зеленого стекла изготовлена /в Византии/ бочонковидная бусина путем вытягивания трубочки и разрезанием ножом с дополнительной формовкой /рис.4,8/, она датируется концом X - ос.XI в.. Путем простой навивки с дополнительной обработкой, присущей мастерам Древней Руси /XI - нач.XII вв./ изготовлены три золотостеклянные бочонковидные бусины /рис.4,2/, датированные XI-XIII вв.. Основа и поверхность их сделана из прозрачного стекла, между ними - серебряная фольга /краска ?/. На всех одиннадцати образцах

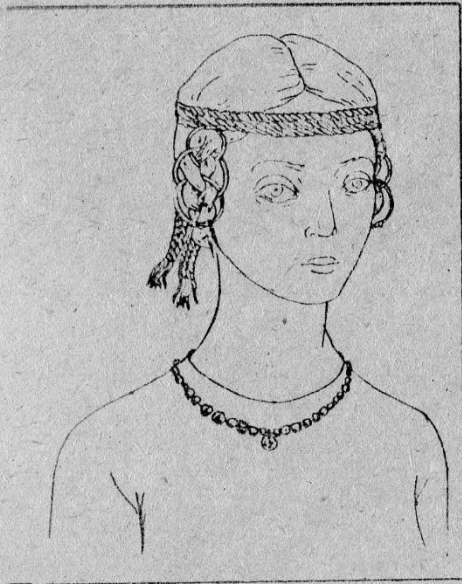

Рис.6. Реконструкция одежды женщины из кургана 43.

прослеживаются признаки расстекловывания. В середине ожерелья была привеска из денария /рис.4,11/, чеканенного в Смдеме при графе Германе /1020-1051 гг./. На поясе погребенной был подвешен крестоперезной бронзовый неорнаментированный бубенчик /рис.4,15/.

Впервые в женском погребении Изоржья найден берестяной туесок /диаметр крышки 21 см/ с сохранившимися фрагментами шва по краю крышки и дна /рис.5/. Рядом с ним был оставлен низкий /высота 11 см/ приземистый ассиметричный гончарный горшок с четко выраженным плечиком и огогнутым наружу венчиком, край которого косо срезан наружу и оттянут вверх /рис.4,22/. Наибольший диаметр тулова расположен в верхней трети высоты сосуда и составляет 16,6 см. Четко прослеживается донный начин и следы от деревянной подставки /диаметр 7 см/, а также закраина на дне. Неровные линии нанесены палочкой по плечу и тулову. Изготовлен горшок из глиняного теста с примесью крупнозернистой дресвы. Внешняя поверхность красновато-коричневого цвета. По форме он близок сосудам XI-XII вв. летописной веся¹⁵ г характерной мерянской посуде с четко выраженными плечиками, диаметр венчика которых, как правило, больше высоты

горшка.¹⁶

По составу сопровождающего инвентаря, с учетом похоронного обряда, погребение мужчины датируется второй половиной XI в., а женщины - концом XI в. /возможно, началом XII в./.

Как отмечалось, сохранение финских элементов в Изоржском комплексе преобладает в женских погребениях. Хранительницами и носительницами традиций финноязычного населения были местные женщины, включенные в состав славянского общества. Таким образом, по материалам двух конкретных курганов 2 пол.XI - нач.XII вв. удастся выявить субстратные традиционные языческие элементы в погребальном обряде, присущие восточнославянской и финноязычной группам населения Тверского Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нефедов Ф.Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1885 и 1886 года. // МВГР, 1899, т.3, с.161-231. Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь, 1903, с.124. Третьяков П.П. Костромские курганы, М.-Л., 1931 // ИТАИМК, т.10. Вып.13,14. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА № 94. М., 1961, с.227,233 и далее. Седов В.В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. // Культура Древней Руси. М., 1966, с.246 и далее. Рыбинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986, с.45 и далее.
2. Горюнова Е.И. Указ. соч., с.232.
3. Там же, с.233.
4. Арсланова Ф.Х. Погребальные сооружения кривичей у с.Изоржье. // Памятники железного века и средневековья на

- Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989, с.43.
5. Определение монет произвел ведущий нумизмат ГИМа А.С.Беляков.
 6. Потин В.М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии. // Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1971, т.12, с.49-75.
 7. Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М., 1990, с.41-43.
 8. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1992, с.195.
 9. Арсланова Ф.Х. Погребения с лепной керамикой из Избрижья. // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь, 1993.
 10. Пользуясь случаем, выражаю свою глубокую признательность профессору МГУ Ю.Л.Шаповой за определение технологии, места и времени производстве бус.
 11. Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi. // АСТЭ. Л., 1968, Вып.10, с.72.
 12. Шапова Ю.Л. Стекланные бусы Древнего Новгорода. // МИА. 1966, № 58, с.172.
 13. Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. // Труды ГИМ. 1959. Вып.33, с.156, рис.3,6.
 14. Шапова Ю.Л. Указ. соч., с.175.
 15. Спиридонов А.М. Керамический материал из Оятских курганов /по материалам раскопок А.М.Линевского/. // Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной земли. Петрозаводск, 1985, с.200, рис.3 /тип I B/.
 16. Горюнова Е.И. Указ. соч., с.238.

КОМПЛЕКСЫ СО СТЕКЛЯННЫМИ БРАСЛЕТАМИ

ИЗ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

В.Ю.Коваль, г.Москва

При охранных археологических работах на городище Ростиславль /Озерский район Московской области/, являющемся остатками одного из самых значительных древнерусских городов в составе Рязанского княжества, были изучены несколько комплексов, состав находок из которых /стеклянные браслеты, битрапециодные прислица из темно-красного шифера, обломки ювелирных изделий и т.п./ позволяет относить их к домонгольской эпохе. До самого последнего времени древности XII-XIII вв. не были известны на этом городище, а потому идентификация его с одноименным летописным городом, основанным в 1153 году, оставалась в значительной мере гипотетической.

Стекланные браслеты выступают одним из самых надежных идентификаторов хронологии культурного слоя для городов Северо-Восточной Руси. В Ростиславле найден почти полный набор их разновидностей - гладкие, крученые, витые, рифленые и гладкие, перевитые нитью желтого непрозрачного стекла. Изготовлены они в основном из коричневого стекла, подвергшегося сильному расстекловыванию. Кроме того, встречены единичные обломки браслетов из зеленого, синего, желтого и фиолетового стекла. Серия полуколичественных спектральных анализов, проведенных для браслетов всех типов и цвета стекла, показала, что почти все они были изготовлены из стекла, сваренного по рецепту $K-Pb-Si$, применявшемуся киевскими мастерами. Таким образом, ростиславльские браслеты оказались идентичны браслетам Старой Рязани и Переяславля Рязанского.¹ При этом Ю.Л.Шапова допускает возможность местного производства в Старой Рязани такого стекла приехавшими из Киева стеклоделами не ранее конца XII в.²

В Старой Рязани преобладающим был коричневый цвет стекла браслетов /до 65% образцов/, точно так же, как и в Ростиславле. Следовательно, скорее всего стеклянные браслеты поступали в Ростиславль из столицы княжества.

На Ростиславле стеклянные браслеты найдены в 6 комплексах в детинце и 1 обломок происходил из сборов подъемного материала на посаде. Последний резко отличался от всех остальных браслетов цветом, формой и составом стекла. Это был синий /окрашенный кобальтом/ мелкокрученный браслет /рис.1,1/, изготовленный из стекла класса **Na-K-Pb-Si**, производившегося в Византии либо византийскими мастерами в Киеве из привозного сырья /устная консультация Ю.Л.Шаповой/.³ Датироваться он может в пред-х XII в. На площадке детинца подобные браслеты пока не найдены, но их находку можно ожидать, исходя из присутствия здесь других византийских импортов, например, обломков амфор типа "Трапезунд".

Упомянутые 6 комплексов с находками браслетов в детинце Ростиславля не являются в полном смысле закрытыми, однако 4 из них, не имевшие серьезных нарушений и содержавшие крупные /до 1/2 обруча/ обломки браслетов, можно считать "условно-закрытыми" /ямы № 5, 21, 23, 25/. Распределение типов браслетов по этим комплексам показано на таблице.

Все 4 комплекса могут быть уверенно датированы домонгольской эпохой. Более поздняя их датировка исключена, так как комплексы второй половины XIII-XIV вв., датированные находками привозных золотоордынских вещей,⁴ хорошо известны на городище и резко отличаются своей керамикой, имеющей иную профилировку и значительно худший облик.

Самым ранним представляется небольшой по объему комплекс хозяйственной ямы № 23, в которой найден крупный обломок гладкого синего /окрашенного окисью меди/ стеклянного браслета /рис.1,4/ и керамика, датироваемая на городище второй половиной

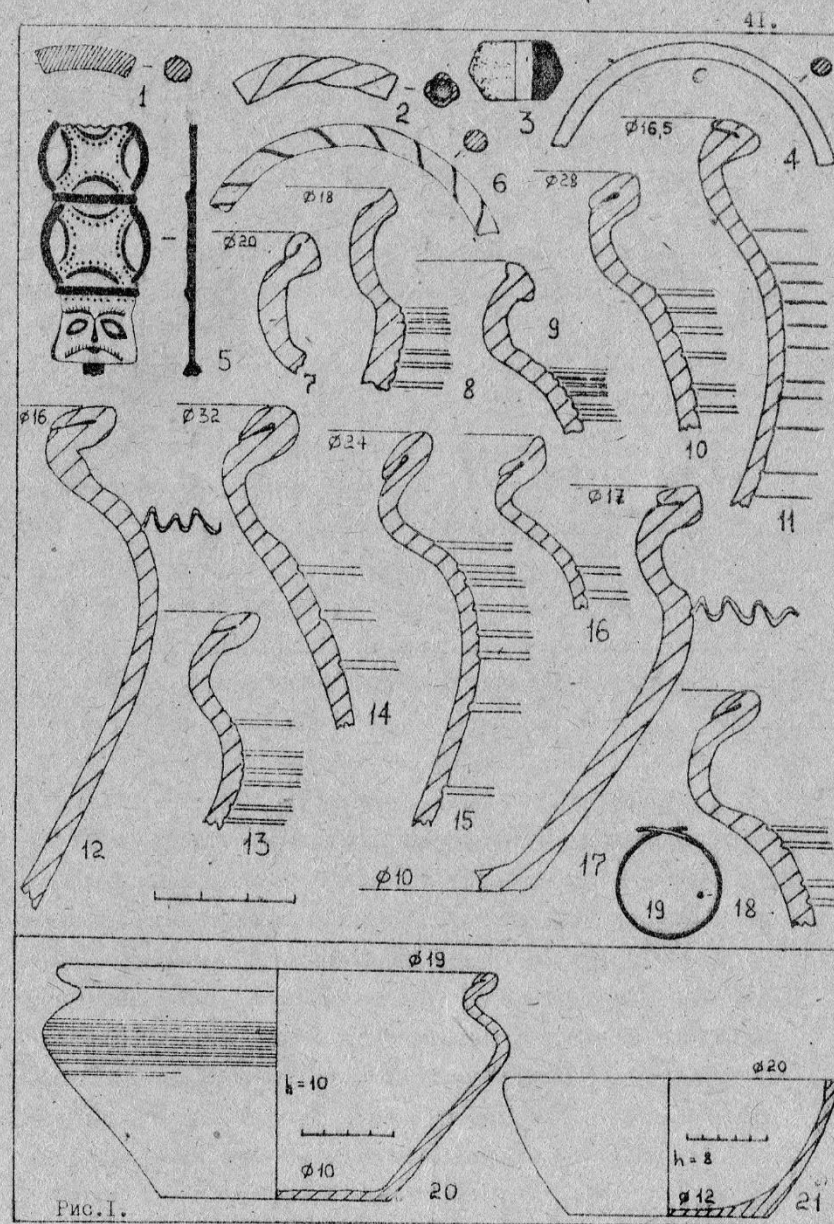

Рис. I.

типы браслетов	комплексы / ямы /				
	№ 5	№ 21	№ 23	№ 26	итого
Гладкие:					
I. Простые:					
- коричневые	I ⁺			3 ⁺	4
- желтые		I ⁺			1
- синие			I ⁺		1
2. Перевитые коричневые с желтой нитью		I		3 ⁺	4
Крученые:					
- коричневые	3	I ⁺			4
- фиолетовые	I				1
В С Б Г О:	5	3	1	7	16

3⁺ - браслеты, подвергшиеся спектральному анализу.

XII в. /рис. I, 7-9/. Аналоги формам венчиков горшков из ямы № 23 известны в курганных древностях Подмосковья, датируемых XII в.⁵ и в Рязанской земле. Однако керамика Ростиславля отличается от московской, формировавшейся из красноглинистых глин с добавками в тесто дресвы /обычного печного обжига/, своим высоким качеством: полным горновым обжигом, отощением глины только мелким песком /дресва не применялась/ и использованием слабожелезистых или нежелезистых глин, в обжиге давших розоватый, желтый или белый цвет поверхности и излома черепка. Традиция изготовления такой керамики идет, по-видимому, из южнорусских земель. Для комплексов ямы № 23 нижней датой следует считать 1153 г. - время основания городища, до которого, как показыва-

ет анализ письменных источников и археологических материалов, крупного поселения на этом месте не существовало.⁶

Комплекс из хозяйственной ямы № 5 представлен 4 коричневыми и I фиолетовым браслетом /причиной коричневого цвета стекла в этом и других случаях послужила, видимо, его загрязненность различными примесями/. Среди них выделяются 2 крученых и I гладкий браслет красно-коричневого цвета, отличающиеся от всех других браслетов городища рядом признаков:

- отсутствием расстеклованности поверхности, характерной почти для всей коллекции браслетов Ростиславля /исключение составляет еще только один византийский браслет с посада/;
- повышенным содержанием в стекле алюминия и кальция /по 3 %/;
- особой техникой изготовления крученых браслетов, которая, по мнению Ю.Л. Шаповой, осмотревшей один из образцов /рис. I, 2/, возможно, заключалась в прокатывании горячего гладкого стеклянного прута по рифленой поверхности, параллельно его оси, которым уплотнялся поверхностный слой стекла, с последующим скручиванием браслета по обычной технологии. В результате браслет становился на срезе как бы двуслойным.

Кроме стеклянных браслетов в яме № 5 был найден целый замок типа В /по классификации Б.А. Колчина/, датируемый в Новгороде в пределах 2 пол. XII - нач. XV вв.⁷ обломок известнякового жернова диаметром 42 см, железный нож, железная пряжка /рис. 3, 9, 10/. Керамика из этой ямы представляет собой весьма однородный комплекс: практически вся она изготовлена из формовочной массы с примесью только мелкого песка, причем 1/2 комплекса прошла полный высококачественный обжиг, остальная керамика характеризуется несколько худшим обжигом /трехслойный в изломе черепок/. Более половины комплекса изготовлено из беложгущейся глины. Все днища сосудов оформлены только на песчаной подсыпке. Девять

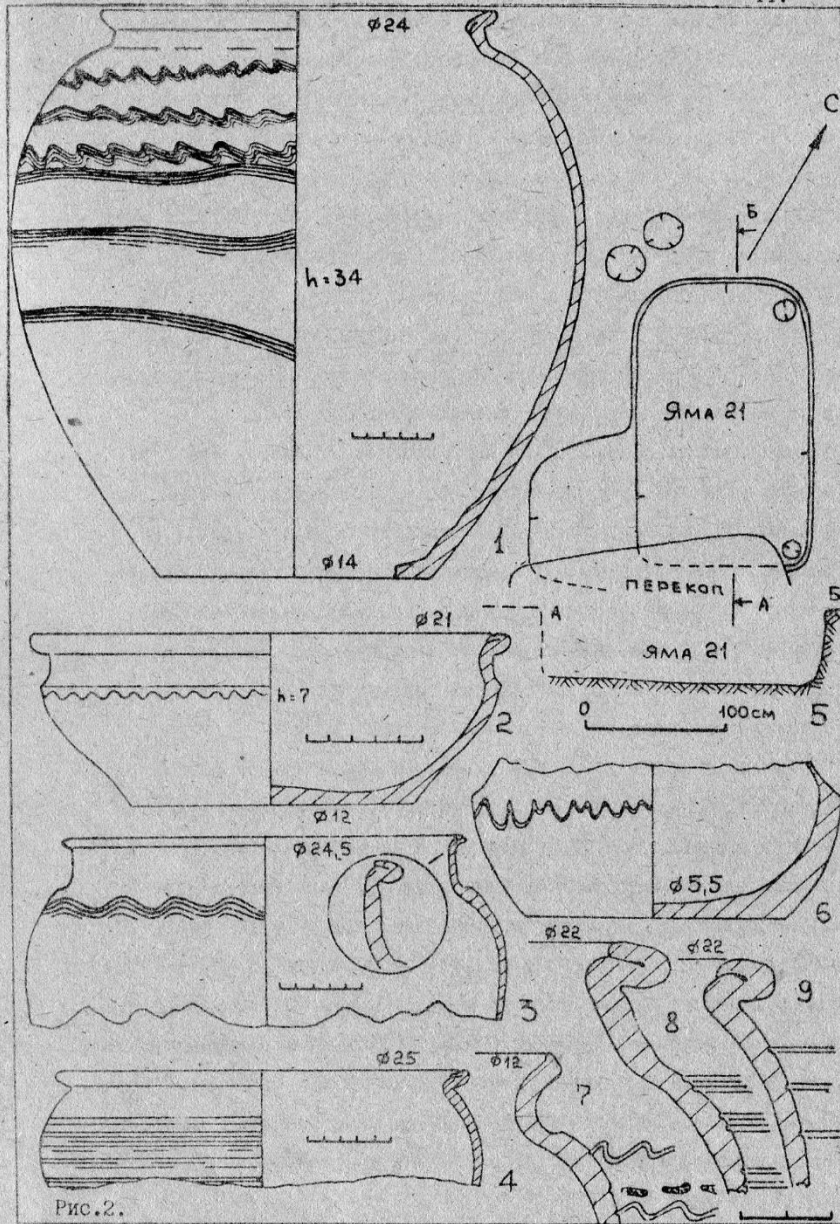

Рис. 2.

десятих декорированных фрагментов покрыты линейным орнаментом. Среди венчиков горшков преобладал тип 23/1 /рис.3,1,2,5/ по разработанной нами типологии,⁸ который является одним из наиболее характерных для древнерусской керамики предмонгольской эпохи и XIII в..⁹ Несколько реже встречались венчики типов 13/2 /рис.1,20; 2,4/, 13/1 /рис.3,6/, 28/1 и 28/2 /рис.3, 3-4/. Здесь же был найден развал белоглиняной миски /рис.1,21/ и горшка с цилиндрическим венчиком типа 6/1 /рис.2,3/, а также обломки толстостенных сосудов с наленными валиками /горизонтальными и вертикальными/, украшенными насечками.

Хозяйственная яма № 26 находилась на территории той же усадьбы, где располагались также ямы № 21 и № 23, и отличалась присутствием в ней коричневых гладких перевитых браслетов /рис.1,6/, шиферного прислица /рис.1,3/ и высокой степени сходства керамического комплекса с керамикой ямы № 5. В частности, здесь точно так же доминировала керамика полного обжига, в том числе - белоглиняная. Среди венчиков горшков более 1/3 составляли венчики типа 23/1 /рис.3,7/. Широко представлены были также типы 13/2 /рис.2,9/ и 28/1 /рис.2,8/, имелись и в комплексе ямы № 5. Красноглиняная керамика здесь практически отсутствовала, поэтому интересен венчик горшка такого типа /рис.2,7/. Встречены и индивидуальные миниатюрные формы сосудов /рис.2,6/.

Яма № 21 представляла собой остатки прямоугольного в плане подполья жилого дома /рис.2,4/. При размерах 200 x 120 см она имела глубину 50 см. В конструкцию входили лунки от 2 опорных столбов в углах ямы. В заполнении ямы найдены обломки бронзового решетчатого трехзигзагового перстня и бронзового лопастного височного кольца, составляющие типовой набор ювелирных украшений поокских витичей, а также битрапецидное шиферное прислице, бронзовая серьга /рис.1,19/, 4 железных черешковых ножа /рис.3,

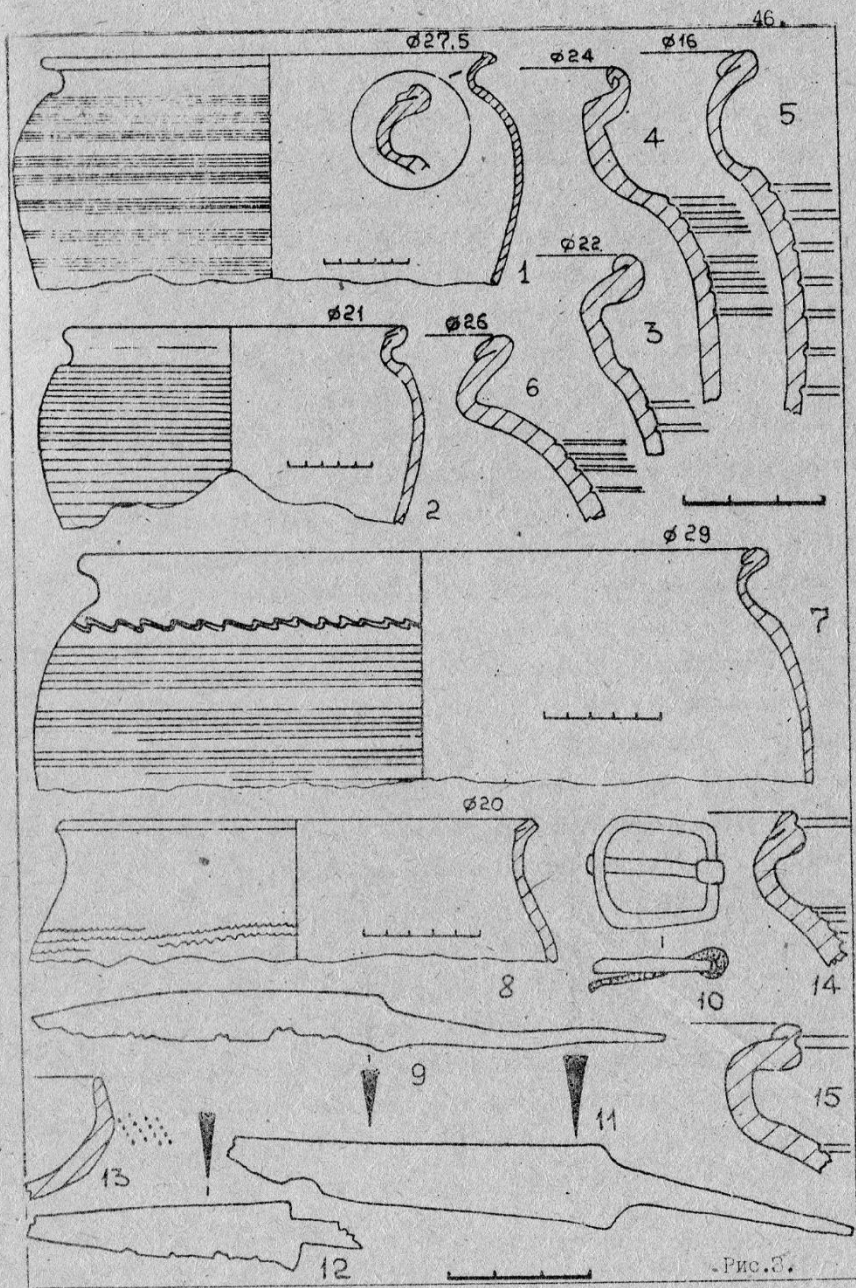

Рис.3.

II, 12/ и обломок литой пластины из оловянно-свинцовистого сплава и односторонним рельефным орнаментом, включавшим стилизованное изображение личины, близкое личинам львов в древнерусской белокаменной резьбе /рис.1,5/. По мнению В.Г.Пуцко, эта пластина могла являться обломком книжной застёжки.¹⁰

Все характеристики керамики из ямы № 21 /рис.1,10-18/ соответствовали комплексам из ям № 5 и № 26, хотя среди венчиков здесь 2/3 составляли типы 13/2 и 28/1, которые в других комплексах не отличались многочисленностью. Отметим также в этом комплексе венчики с желобком по внешней стороне устья, миниатюрные формы /рис.3,13,14,15/ и развалы двух белоглиняных сосудов полного обжига - горшка и миски /рис.2,1,2/.

Очевидно, что датировка комплексов № 5,21,26 не может иметь существенных различий. По-видимому, она соответствует эпохе максимального распространения стеклянных браслетов в Северо-Восточной Руси, то есть первой половине XIII в.. В Новгороде, например, пик выпадания браслетов в культурный слой приходится на середину XIII в..¹¹ Все это позволяет с высокой степенью надежности датировать комплексы № 5,21 и 26 в пределах первой половины-середины XIII в., причем другие находки из них не только не противоречат такой дате, но и подкрепляют ее /прекращение бытования шиферных пряслиц после ордынского нашествия, датировка решетчатых перстней развитых форм XIII в./.. В ее пользу работает и замечание А.Л.Монгайта о более поздней датировке перевитых браслетов /см. комплексы № 21,26/ относительно одноцветных,¹² происходящее из его наблюдений за стратиграфическим распределением старорязанских стеклянных браслетов. К сожалению, абсолютная хронология описанных комплексов пока не может быть конкретизирована без опасности допущения ошибки, однако новые материалы позволят, вероятно, в дальнейшем построить более точную шкалу хронологии керамики Ростиславля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1973, с.156. Судаков В.В. Отчет об охранных археологических раскопках в Кремле г.Рязани в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 14169, с.49-50.
2. Шапова Ю.Л. Указ. соч., с.156.
3. Пользуясь случаем выразить свою глубокую благодарность д.и.н. Ю.Л.Шаповой за подробные консультации, а также к.и.н. Ю.А.Лихтер, расшифровавшей данные спектрального анализа и сделавшей ценные замечания.
4. Коваль Ю.В. Археологические исследования Ростиславльского стана. // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993, с.76-77.
5. Равдина Т.В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991, табл.6, №3; табл.10, №3; табл.15, №2,4.
6. Коваль Ю.В. Проблемы истории Ростиславля Рязанского. // Россия в X-XVIII вв.. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995, с.251-252.
7. Колчин В.А. Хронология новгородских древностей. // Новгородский сборник, М., 1982, рис.3.
8. Коваль Ю.В. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии. В печати.
9. Равдина Т.В. Указ. соч., табл.16, № 4. Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII - сер.XV вв. // Московская керамика..., табл.34,40. Монгайт А.Л. Старая Рязань. // МИА, 1950, № 49, рис.84,4.
10. Выражаю признательность В.Г.Пуцко /г.Калуга/ за консультацию.
11. Хорошев А.С. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа /усадьба А/. // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994, рис.4,5,8.
12. Монгайт А.Л. Указ. соч., с.175.

СТЕКЛЯННЫЕ ПЕРСТНИ РОСТОВА БЕЛИКОГО

/ предварительное сообщение/

И.Г.Аграфонов, г.Ярославль

Стеклянные перстни занимают скромное место среди украшений, изготавливаемых мастерами-стеклоделами. В Новгороде по сравнению с браслетами и бусами перстни составляют около 3 %, в Старой Рязани - неполных 2 %, в Ростове Великом - менее 3 % общего количества стеклянных украшений.¹ Тем не менее, исследование стеклянных перстней приводит к интересным результатам.

В основе нашей работы лежит коллекция стеклянных перстней, обнаруженных во время раскопок у церкви Григория Богослова на территории Ростовского Кремля /раскопки Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 1989-1993 гг./. Эта коллекция насчитывает 24 единицы. В археологической литературе существует подробная классификация стеклянных перстней, разработанная Ю.Л.Шаповой.² Согласно этой классификации, все перстни, обнаруженные в Ростове, за исключением одного, можно отнести ко второму отделу - "перстни плосковыпуклые", а внутри отдела - первому /"перстни гладкие"/ или второму /"перстни шитковые простые"/ типам. Особенностью некоторых ростовских перстней второго типа является то, что в ряде случаев их шиток шире общего диаметра сечения перстня. Три перстня могут быть отнесены к типу 3 классификации Ю.Л.Шаповой /"перстни шитковые сложные"/. Шитки таких перстней изготавливались отдельно, а затем прикреплялись к корпусу. Один перстень относится к третьему отделу - "перстни плоские". Его сечение дает остроугольный треугольник. Подробно распределение перстней по типам показано в таблице приложения.

В Ростове встречены перстни, изготовленные из стекла, окрашенного в традиционные для древнерусских городов цвета. Преобладают желтые экземпляры, встречаются также синие, зеленые и ко-

ричные. Все они, за исключением двух синих, изготовлены из прозрачного стекла, что также характерно для русских городов. Что же касается датировок, то максимальное количество перстней, в основном желтого и зеленого цветов, встречено в VII и VIII пластах /12 и 6 единиц соответственно/, датированных концом XI -- первой половиной XII вв. Единичные находки перстней были и в других пластах. Такое распределение согласуется с Новгородом, где ник встречаемости зеленых и желтых перстней падает на XI -- начало XII вв.³ Диаметр найденных перстней различен. Преобладают перстни с диаметром 1,5 - 1,7 см, но встречено несколько перстней с большим /1,9 - 2,1 см/ диаметром, несомненно, предназначенных для мужчин.

Массовые находки стеклянных браслетов, более половины которых обнаружены в слоях второй половины XIII - XIV вв., а также оригинальная цветовая гамма этих браслетов служат косвенным доказательством существования в Ростове местного стеклоделательного производства. К сожалению, столь небольшое количество стеклянных перстней не может служить аргументом за или против этого предположения. Надо только отметить, что если среди ростовских браслетов преобладают коричневые /35 %/, то среди ростовских перстней больше желтых /37,5 %/. Можно предположить, что мастера-стеклоделы Ростова Великого не занимались изготовлением перстней, ограничиваясь производством только браслетов и бус. Окончательную ясность может внести спектральный анализ, которому необходимо подвергнуть эту небольшую, но интересную коллекцию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ольчак Е. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века. // СА, 1959, № 3. Монгайт А.П. Старая Рязань. // МИА, 1955, № 49.
2. Шапова В.Л. Стеклянные изделия Древнего Новгорода. // МИА, 1953, № 117, с.106-108.
3. Там же, с.112.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№	пласт	инв. номер	цвет	прозрачность	отдел /по классиф. Д.Л.Шаповой/		диаметр
					тип		
1	2	93	синий	+	2	2	1,5
2	5	61	синий	+	2	2	1,51
3	5	247	синий	+	2	2	?
4	6	20	желтый	+	2	2	?
5	7	39	желтый	+	2	?	2,1
6	7	43	желтый	+	2	?	?
7	7	48	синий	-	2	1	1,6
8	7	63	зеленый	+	2	3	1,4
9	7	72	желтый	+	2	?	2
10	7	74	зеленый	+	2	3	1,8
11	7	96	желтый	+	2	?	2
12	7	100	желтый	+	2	?	1,5
13	7	104	зеленый	+	2	?	?
14	7	106	желтый	+	2	?	1,9
15	7	126	зеленый	+	2	?	2
16	7	131	зеленый	+	2	1	1,58
17	8	2	зеленый	+	3		2
18	8	18	синий	-	2	?	1,7
19	8	25	синий	+	2	3	1,3
20	8	28	желтый	+	2	?	1,6
21	8	55	зеленый	+	2	2	1,85
22	8	82	желтый	+	2	?	2
23	9	72	коричневый	+	2	1	1,8
24	9	73	коричневый	+	2	2	1,6

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ КРАСНОГЛИНЯНОЙ
КЕРАМИКЕ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Е.К.Кадиева, г.Ярославль

Термин "красноглиняная керамика" довольно широко употребляется в археологической литературе применительно к многочисленным фрагментам и полным формам посуды из красножгутистых глин второй половины XIII - XVI вв.. Но резкой границы, отделяющей начало изготовления красноглиняных сосудов от конечных этапов производства поздней курганной или так называемой сероглиняной керамики, не существует. Довольно долгое время сероглиняная и ранняя красноглиняная керамика могли сосуществовать. Как правило, отличить их друг от друга в этот период достаточно сложно. Ранняя красноглиняная керамика Ростова, насчитывающая более пяти тысяч фрагментов и четырнадцать полных форм сосудов, выделялась по следующим признакам: бурый или красновато-коричневый цвет наружной поверхности черепка, присутствие на наружной стороне черепка небольших темных пятен овальной или круглой формы - результат опрыскивания клеевым раствором или квасом после обжига, примесь преимущественно мелкой дресвы и песка в тесте, довольно хорошая заглаженность наружной стороны черепка /но не лощение/, донца изготовлены на ручном круге тяжелого типа.

Были выделены следующие группы ранней красноглиняной керамики Ростова:

1. Горшки:

- с отогнутым наружу венчиком, имеющим скругленный край с оттянутым внешним концом, хорошо выраженными плечиками, конусовидным туловом. Горшки имеют различные размеры: диаметр венчика от 12 до 23-30 см, диаметр дна от 6 до 14 см, высоту от 10 до 21 см. Максимальное расширение ту-

лова приходится на верхнюю треть или четверть высоты горшка. Такие сосуды возникли как модификация некоторых форм так называемых эсовидных горшков, характерных для всех древнерусских городов, в том числе и для Ростова. Это одна из форм ранней красноглиняной керамики. Появляется в первой половине XIII в..

В Ростове встречена при раскопках шурфа во дворе у Часовона в Кремле в 1988г. /рис.1,1/;¹

- сосуды с высокой /3-4 см/ прямой или чуть наклонной наружу шейкой, конусовидным или овальным туловом /диаметр венчика 14-22 см, высота 12-20 см/, появившиеся в первой половине XIII в. и сосуществовавшие до второй половины XIII в. с почти аналогичными по форме сероглиняными горшками. Зафиксированы на территории посада при раскопках 1984 г., 1987 г. и в Кремле /рис.1,2/;²

- приземистые горшки с вертикальной шейкой, хорошо выраженными плечиками и широким дном. Диаметр венчика 16-30 см, диаметр дна 12-17 см, высота 7-13 см. Имеют венчик срезанный горизонтально или внутри, часто с ложбинкой посередине. Бытуют с середины XIII до первой половины XIV вв.: Встречены на территории посада /1987 г./ и Кремля /1988 г./ /рис.1,3/;

- бочонковидные сосуды с коротким венчиком и практически не выраженной шейкой. Имеют средние размеры: диаметр венчика 16-25 см, высота 11-16 см. Появляются во второй половине XIII в.. Найдены на территории кремля и посада /рис.1,4/;

2. Миски. Простые формы: миски без поддона, с прямыми или чуть скругленными стенками /диаметр горла 12-19 см, высота 3-6 см/;

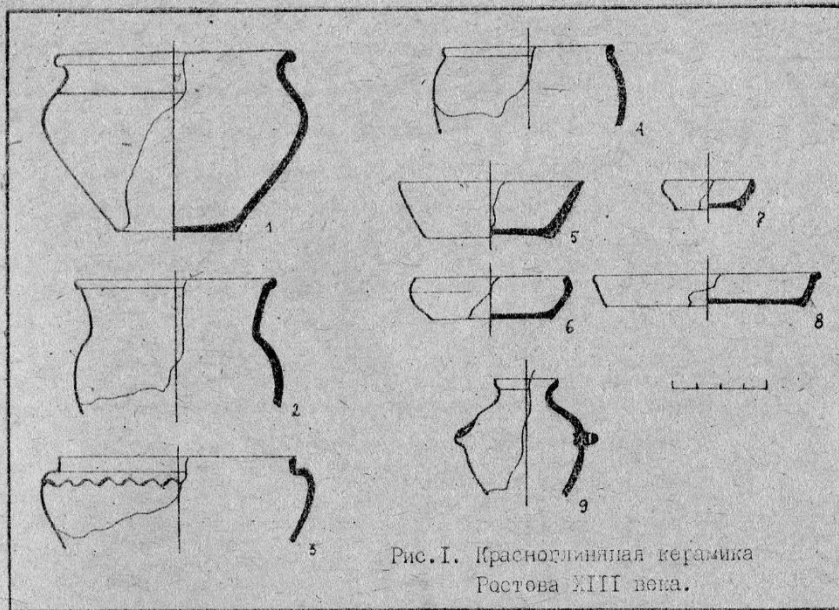

Рис. I. Красноглиняная керамика
Ростова XIII века.

переходят с сероглиняной на красноглиняную керамику и датируются XIII веком. Зафиксированы в раскопах у церкви Григория Богослова в Кремле в 1990-91 гг., у южной стены Кремля в раскопе № I 1955 г., в Ростовском посаде в 1984 г. и в 1987 г. /рис. I, 5-6/.³

3. Блюдца - небольшие /с диаметром горла менее 10 см/ мелкие миски. Бытуют в Ростове с начала XIII века. В более ранних пластах такой группы керамики не зафиксировано /рис. I, 7/.
4. Подставки - неглубокие, но довольно большие в диаметре /15-20 см/ с вертикальными краями без следов нагара. Характерны для XIII в. /рис. I, 8/.
5. Кувшины. Сохранились очень фрагментарно. Появляются в пластах первой половины XIII в.. Зафиксированы в культурном слое Кремля в 1988 г..⁴

6. К началу XIII в. относится и верхняя часть небольшого сосуда с ушками, расположенными на плечиках. Диаметр горла сосуда 5 см, примерная высота 11 см.. Сосуд обнаружен в раскопе у церкви Григория Богослова в 1991 г..⁵ Точное его назначение пока не ясно. Возможно, это был рукомоийник, так как рукомоийник похожей формы был найден на Воишевском городище под Смоленском /рис. I, 9/.⁶
7. Крышки. Найдены в небольшом количестве в слоях середины - второй половины XIII в..⁷ Все они изготовлены для кухонных горшков.

Орнаментировано 18 % посуды. Орнамент отмечен лишь на горшках первой, второй и третьей разновидности. В основном это одиночные линии, волны, есть случаи орнаментации зигзагом. Орнамент расположен на плечиках сосудов. Линии, волны и зигзаги прочерчены ножом по подсушенной глине, поэтому имеют толщину 0,5-1 мм и довольно аккуратны.

Надо отметить, что в гончарном производстве Ростова уже на рубеже XII-XIII вв. четко наметились два процесса, связанные с переориентацией гончаров на изготовление рыночной продукции: - во-первых, сглаживание индивидуальных особенностей внутри типов сосудов /стандартизация пропорций, размеров, уменьшение вариантов оформления верхних частей/; - во-вторых, увеличение ассортимента посуды /появление кувшинов, блюдец, подставок/.

Появление красноглиняной керамики в Ростове в начале XIII века, с одной стороны, было следствием этих процессов, а с другой - способствовало дальнейшему их развитию.

1. Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 12859, с.26-28.
2. Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 10352, с.13-16. Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1987 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 11952, с.41-45. Леонтьев А.Е. Отчет о работе... в 1988 г., с.26-28.
3. Воронин Н.Н. Отчет Ростовского отряда Среднерусской экспедиции 1955 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 1109, с.12-39. Леонтьев А.Е. Отчет о работе... в 1984 г., с.13-16. Леонтьев А.Е. Отчет о работе... в 1987 г., с.41-45.
4. Леонтьев А.Е. Отчет о работе... в 1988 г., с.26-28.
5. Леонтьев А.Е. Отчет о работе... в 1990-91 гг. // Архив ИА РАН.
6. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли /УИИ-ХУ вв./ // МИА, 1960, № 92, с.66, рис.32,5.
7. Леонтьев А.Е. Отчет о работе... в 1988 г., с.26-28.

ЗЕРНОВЫЕ НАХОДКИ НА ГОРОДИЩЕ "ПЕНЬКИ"

Н.А.Кирьянова, г.Москва

В лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН исследованы девять проб почвы, взятых в 1991 году во время раскопок городища "Пеньки" и датированных IV в. до н.э. - XI в. н.э.. В семи пробах в результате отмывки обнаружены зерна пшеницы и ячменя. Выборка скопления в квадрате 39 дала образцы ячменя. Все зерна обугленные, некоторые имеют плохую сохранность. В находках значительно количество обломков зерен.

В находках 2 пол. I тыс. до н.э. по встречаемости и общему количеству зерен преобладает ячмень (*Hordeum vulgare* L.). Основная масса его зерен симметрична, имеет плавные очертания, на брюшной стороне узкую прямую бороздку. У некоторых зерен на спинке заметна небольшая впадина. На основании этих морфологических признаков представляется возможным большую часть зерен отнести к двурядным голозерным ячменям. Небольшое число вытнутых зерен этой культуры с более широкой бороздкой, возможно, принадлежат пленчатым формам. В исследованных материалах не встречено зерен ячменя с четко выраженными остатками пленок, в значительном количестве встреченных на других памятниках этого времени, например, на Дьяковском городище.

Находки I тыс. н.э. содержат зерна того же подвиды ячменя. Но по количеству их меньше, чем зерен пшеницы.

Голозерные ячмени считаются более ценными для изготовления круп. Они содержат больше белка и этим близки к твердым пшеницам.¹

Найденные на городище зерна пшеницы имеют короткое округлое тело, плавное очертание боков и спинки, широкие вершину и основание. Их можно отнести к популяции голозерных пшениц (*Triticum*

aestivo/compactum/. Среди зерен пшеницы в слоях У-VI вв. н.э. одно более удлиненное, имеющее несколько вогнутое брюшко, более узкие вершину и основание, возможно, принадлежит пленчатой пшенице.

В материалах городища уже встречались отпечатки на керамике зерен пшеницы и ячменя.² Представленный в находках Пеньковского городища состав земледельческих культур характерен для синхронных памятников лесной зоны Восточной Европы, где, кроме того, встречены зерна ряда других культур.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.Приниципов Д.И. Растения полевой культуры. М., 1936.
- 2.Кириянова Н.А. Отпечатки зерен на керамике Пеньковского городища. //Материалы третьей научно-практической конференции: Проблемы изучения Плеса. Плес, 1990.

Таблица 1. Распределение по хронологическим периодам находок зерна с Пеньковского городища.

дата	№ п/п	место находки	ячмень	пшеница	обл. зерен	малыца
IУ в. до н.э. - рубеж н.э.	1	кв.36, гл.90	85	16	178	-
	2	кв.40, гл.145	20	2	20	-
	3	кв.40, гл.200	2	-	-	-
	4	кв.39, гл.140 /скопления/	6339	-	-	-
около рубежа н.э. У-VI вв.	5	кв.41, гл.120	5	2	4	-
н.э. VII-VIII вв.	6	кв.53, гл.60	18	28 /гл.7/	86	-
IX-X вв.	7	кв.48, гл.60	-	1	-	-
XI-XII вв. н.э.	8	кв.48, гл.15-20	1	-	1	-
	9	кв.44, гл.15-20	-	-	-	2

ЯЗЫЧЕСТВО И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОГО КРАЯ.

П.Н.Травкин, г.Плес

В последние годы в России проявляется повышенный интерес к православному христианству. Постепенно расставаясь с коммунистической идеологией, люди обращаются в поисках идеалов к полузабытой дореволюционной отечественной истории. Естественно, что в сложившейся ситуации церковь с ее древними обрядами и традициями, специфическими формами живописи, музыки и архитектуры имеет безусловное преимущество на фоне искаженной до неузнаваемости и загнанной, по сути дела, в рамки "краткого курса" истории Руси и народной культуры. Пользуясь этим и стремясь вновь выйти на уровень государственной, православная церковь сегодня открыто и зачастую достаточно бесцеремонно выставляет себя в качестве спасителя русской культуры и единственного выразителя исконно народного мировоззрения, подтверждением чему могут служить многочисленные заявления подобного рода в средствах массовой информации.¹ Вновь выдвигаются тезисы об исконном православии русского народа, о тысячекратно неизменной вере в единого бога, о многочисленных благах, принесенных христианской религией нашим предкам - язычникам "поганым, не ведущим бога".²

В связи с этим, как представляется, есть необходимость вновь обратиться к далеким векам Ивановского края, тем более что за последние годы значительно пополнился запас научных данных, позволяющих претендовать на объективность суждений по проблеме внедрения христианства в указанном регионе.

Коренные жители края, волжско-финские народы меря, мурома и черемиса /мира/, к моменту включения их земель в состав Вла-

димиро-Суздальской Руси достигли значительных успехов в развитии материальной и духовной культуры. И мы обязаны основными традициями сельской жизни. Традиционные формы домашнего хозяйства и домостроения, народные ремесла и промыслы, праздники и ритуалы, основы жизненной философии и особенности языка – всё это имеет глубокие местные исторические корни. Древние земледельцы использовали оптимальные для данных природно-климатических условий агротехнические приемы, уже в первых неках нашей эры они вырабатывали пшеницу морозостойких сортов. Практически не изменился с тех пор и состав деревенского стада.³ Благодаря специализированному пушному промыслу и товарной пушнине финны имели широкие торговые связи, выходили на рынки Западной Европы и арабского востока. На протяжении столетий не прекращался ввоз цветных металлов, на привозном сырье развивалось и достигло больших высот местное ювелирное искусство. На территории латонисной меры лучше, чем в славянских землях, была развита и техника обработки железа.⁴ Развивались традиции художественного литья иковки металла, орнаментальной резьбы по дереву, кости, камню.⁵ Наконец, коренное верхневолжское население ещё до введения кириллицы было знакомо со скандинавскими и болгарскими рунами, арабским письмом, возможно, имело начатки собственной письменности.⁶

Контакты с соседними и дальними народами позволили жителям региона не только активно и рационально воспринимать разного рода новшества в материальной и духовной культуре. Такие контакты, и, следовательно, высокий уровень информированности, воспитывали терпимость к чужим религиям, в том числе и к христианству, известному, разумеется, не только купцам и родовой знати. Между тем у нас нет оснований полагать, что, терпимо относясь к христианству, финны выражали желание принять его. Их мировоззрение в течении тысячелетий формировалось условиями жизни в определенной природной среде. Оно обеспечивало человеку комфортное

существование и делало, таким образом, сложившийся политеизм наиболее подходящей и, пожалуй, единственно возможной системой мировоззрения.

Ощущая себя важной частью мироздания, человек бережно относился и к сородичам, и к окружающей природе. "Дикие язычники" на протяжении многих веков, вплоть до эпохи развитого средневековья, являли образец экологического мышления, сохраняя производительный потенциал природы: первые трудности, связанные с добычей бобра, например, в рассматриваем регионе фиксируются только по документам 2 половины XVI в..⁷ Кроме того, человек считал себя способным благотворно влиять на окружающий мир, но вся мудрость этого влияния, в отличие от современного прямого воздействия, заключалась в его символичности, условности.

Так он "следил" за своевременной сменой времен года, по необходимости "общался" с богами. Яркой иллюстрацией здесь могут служить календарные обряды, в ходе которых люди магическими действиями "помогали" весне расправиться с зимой /Масленица/ или провозглашали приход лета, отправляя в небитие весну в образе украшенной березы /Троицкие обряды/.

Таким образом, человеку дохристианской эпохи не было присуще мировоззрение раба – божьего, государева или раба природы. Наш предок-язычник не ощущал себя ущербным, изначально грешным. Он не жил в страхе о предстоящем после смерти божьем суде и не мог, разумеется, понять христианской идеи искупления. Поэтому-то и внедрение христианства в столь неподходящую для этого среду могло представляться первым миссионерам именно подвигом, на который далеко не все из них оказались способны. И не случайно деятельность их развернулась прежде всего в больших городах /судя по современным данным, на территории нашего края в эпоху Киевской Руси не было и малых древнерусских городов/. Здесь они

могли бы рассчитывать на поддержку представителей центральной власти и родовой знати, лояльно настроенной по отношению к киевскому князю. Но если киевские князья рассматривали христианство в качестве одного из инструментов завоевания окраинных земель, то местная военно-родовая верхушка, очевидно, не спешила оказывать миссионерам ожидаемую помощь. Во-первых, она сама оставалась приверженницей исконного политеизма, во-вторых, была зависима от окружающей общественной среды, и в-третьих, не желала расставаться с реальной властью у себя дома. Положение же присланных княжеских представителей /там, где они были/ и даже приобщивших в отведенные им владения членов великокняжеской семьи становилось порой незавидным. Их зачастую просто не пускали в город. Так сын князя Владимира Глеб оказался перед закрытыми воротами Мурома и вынужден был повернуть обратно. По дороге он был убит и впоследствии канонизирован как христианский мученик.⁶

Первые назначенные в мерянский центр Ростов епископы Феодор и Илларион, не вытерпев противодействия населения, бежали в Киев. На смену им, как считал Н.М.Никольский, Ярослав Мудрый пытался направить в 1028 г. правителя Норвегии Олава Святого, после того как последний потерпел фиаско в деле крещения норвежцев и был вынужден покинуть свою страну. Однако и Олав, видимо, разобравшись в ситуации, от перспективы такого рода деятельности в мерянских землях отказался.⁹

Был изгнан из города, а затем, по мнению Н.Н.Воронина, и убит во время восстания под предводительством волхвов в 1071 г. новый ростовский епископ Леонтий. После подавления восстания его преемник Исая, опираясь на военную силу, предпринял крестовый поход по землям, входившим частично и в рассматриваемый регион, и "идеже обретааша идолы, то все огню предаваше".¹⁰ Естественно, что такого рода акции не могли принести желаемого

результата. В целом на период с 988г. до середины XII в. мы не располагаем ни единым археологическим или иным достоверным свидетельством реальных положительных результатов миссионерской деятельности в рассматриваемом регионе. Следовательно, христианство в это время лишь коснулось земель современной Ивановской области, показав себя при этом далеко не в лучшем виде.

Следующим этапом соприкосновения населения края с христианством стал последовавший после распада киевской державы период процветания Владимиро-Суздальской Руси. Появилась местная сильная феодальная власть и, как следствие, активизировалась миссионерская деятельность. В противовес местным финским центрам-городкам на окраинах княжества стали возводиться новые крепости - форпосты княжеской власти, а в противовес местным культовым центрам - христианские храмы в этих новых городах.

Нельзя не отметить талантливый подход к решению проблемы христианизации владимирского князя Андрея Боголюбского. Он удачно выбрал для себя и своего княжества святого покровителя: образ Богородицы хорошо сочетался с одним из наиболее почитаемых финских божеств - с небесной прародительницей, материю всего живого. Начало почитания последней относится еще к эпохе камня.¹¹ Образ Богородицы, как, видимо, и предсказывалось, постепенно был принят местным населением и стал своего рода христианской оболочкой при сохранении прежних языческих сакральных функций божества. Так особым покровительством богородичной иконы пользовались роженцы; магическую силу приобретала освященная иконой вода. В головом календаре праздник рождения Богородицы совмещался с праздником урожая, древним праздником роженцы, и сопровождался ритуалом принесения священной жертвы небесной богине /отпуск на волю, в небо, пойманных птиц/.¹²

С постепенным внедрением культа Богородицы во владимир-

ских землях начался процесс слияния христианства и язычества, а точнее, процесс вrastания постепенно искажающегося христианства в систему местных верований. С него же, видимо, следует начать отсчет жертв церковных репрессий, имевших затем во владимирских землях продолжение в 70-х годах XIII в. /казни "волховиц"/ и расцвет - в эпоху реформ Никона в XVII в..¹³ Одной же из первых жертв стал суздальский епископ Федор, имевший красноречивое прозвище Волхв. Он был избран в 1164 г. суздальским вече без ведома Цареграда и поддержан Андреем Боголюбским. В представлении епископа-волхва источником всего живого на земле, производящим началом, было женское божество. Противникам Федора удалось вывезти его в Киев, где за "хулу на господа" он был расстрижен и казнен.¹⁴

Культ Богородицы активно распространялся княжеской властью во Владимиро-Суздальской Руси. Его буквально "застолбили" по всем городам, возводя богородичные храмы. В новых городах первые храмы строились одновременно с крепостными стенами; сюда вместе с небольшой дружиной, наместником и группой колонистов-переселенцев направлялись миссионеры. Раскопки первого на территории края древнерусского города Плеса среди многочисленных археологических данных представляют и материалы по интересующему нас вопросу. На мысу нынешней Соборной горы до постройки крепости располагалось сельское языческое кладбище, служившее, по традиции, местом отправления ряда культов. Раскопки свидетельствуют, что перед началом строительных работ святое для коренных жителей место было осквернено, могильные холмы скрыты и крепость с храмом возведены буквально на костях.¹⁵

Радикальные методы и в данном случае имели скорее обратный эффект. За девять лет раскопок в г.Плесе в слоях домонгольского времени найден всего один предмет, который, с определенной ого-

воркой, можно было бы считать христианским атрибутом. Каменный нателный крестик /крестовидная подвеска/ был обнаружен на окраине городского посада, населенного выходцами из местной финской среды - ремесленниками, проехавшими в начале XIII в. главным образом украшения с языческой символикой и предметы языческого культа. Крест был сломан и носил следы ремонта /сверлину/ на одной из лопастей. Он был, по всей видимости, отдан ремесленнику для ремонта кем-то из представителей местной администрации. Другой такой же крест найден в районе усадьбы и использовался он уже явно не как христианский, поскольку носил следы языческого "освящения": начертание в виде символа земли /рис. I,4; сравнить с рис. I,5/. В целом же на месте раннесредневековых усадеб и в плесской крепости встречены довольно многочисленные свидетельства языческого мировоззрения населения: разного назначения священные подвески, "громовые тпоры", глиняные модели яиц - атрибуты весенних календарных обрядов, заклинательные начертания, следы совершения строительных жертв и т.п. /рис. I/.¹⁶

По языческому же обряду производились захоронения умерших горожан; они сопровождались сложными ритуальными действиями. Из исследованных автором 76 погребений городского некрополя 2 пол.XII-I пол.XIII вв. ни одно не может считаться достоверно христианским.¹⁷ Примечательно, что языческий некрополь с курганными насыпями сохранился неразрушенным; плесское духовенство не решилось на этот шаг, даже имея военную опору в виде крепостного гарнизона. Следовательно, ситуация в Плесе, складывавшаяся было в пользу христианства в ходе основания города, к началу XIII в. вновь перевернулась. На это не могли не повлиять, во-первых, мощный приток на посад аборигенного населения, поглотившего пришельцев-колонистов, и во-вторых, прочность самих

устоев естественного в данной среде политеизма.

В период, предшествовавший ординскому нашествию I пол. XIII в., церковь уже имела, казалось бы, достаточно сил и средств для организации широкомасштабной миссионерской деятельности среди сельского населения. Она получала долю от даней, имела княжескую опору во всех городах. Видимо, к церкви переходили и накопленные веками богатства из разоряемых ей языческих храмов и культовых мест. Во владимирской соборной мастерской производились для раздачи язычникам христианские атрибуты, в частности, иконки-привески. По внешнему виду они напоминали языческие подвески, что должно было способствовать их незаметному внедрению в комплекс женского ритуального костюма.¹⁸ Предложение, очевидно, имело успех, однако, как свидетельствуют археологические источники, христианские атрибуты использовались в полном несоответствии с христианскими канонами: включались по несколько штук в состав бусинного ожерелья, подвешивались у висков, вплетались в косу.¹⁹ Естественно, ни о каком каноническом осмыслении христианских атрибутов здесь не может быть и речи.

Не следует, очевидно, принимать за признак христианского обряда западную ориентировку погребенных и уменьшение количества сопровождаемого инвентаря. Во-первых, это соответствует общей тенденции развития местного обряда, во-вторых, такие погребения всё равно содержат языческие признаки, и в-третьих, они не имеют четких вещественных подтверждений принадлежности именно к христианским.

Приведенные и вынужденно оставленные за рамками статьи аргументы, как представляется, достаточно убедительно свидетельствуют о более чем скромных успехах церкви в деле крещения жителей края в домонгольскую эпоху. Мировоззрение сельского населения оставалось непоколебимо языческим не только в течение

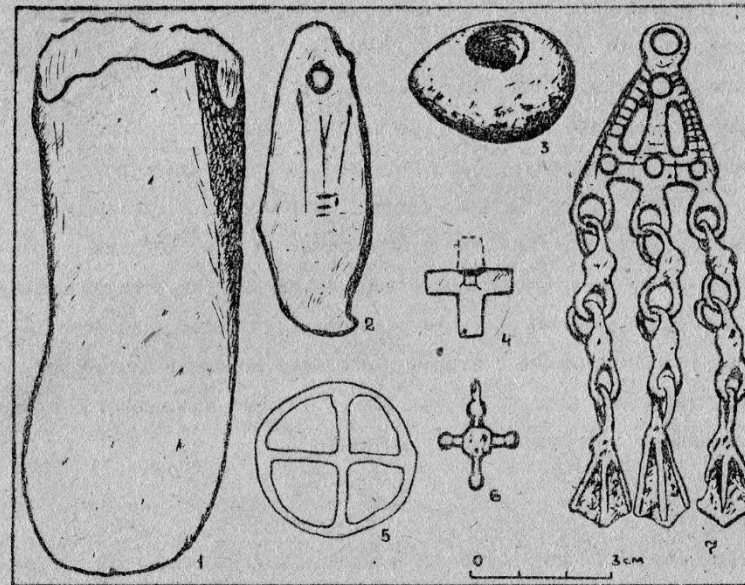

Рис. 1. Атрибуты политеизма XII-XIII вв. из Клыса. 1. Каменный "громовой топор". 2. Свинцовое рыболовное грузило с магическим начертанием. 3. Керамическая модель яйца. 4-5. Каменная и бронзовая крестовидные подвески. 6. Гончарное клеймо в виде солярного знака. 7. Бронзовая шумящая подвеска.

трехсот лет с момента официального крещения Руси, но и в дальнейшем, о чем следует говорить отдельно. Политеизм был присущ и раннесредневековому городскому населению края, вышедшему преимущественно из местной волжско-финской среды. Даже официально крещенные и соблюдавшие христианские обряды члены княжеского дома, княжеской администрации и дружины оставались приверженцами исконного народного мировоззрения, о чем не раз уже писали многие историки.²⁰

Историк церкви Н.М.Никольский 60 лет назад писал о посте-

пенном вживлении христианства в языческую среду в раннем средневековье. Об установлении в IX-XI вв. "православного двоеверного синкретизма" говорили В.В.Мильков и Н.Б.Пелягина.²¹ Современные данные позволяют, по крайней мере применительно к рассматриваему региону, говорить лишь о начале данного процесса в XI-XII вв., с чем, кажется, согласен и Е.А.Рябинин.²² Соединение же христианства и язычества, и, как следствие, принятие населением православной веры в живописнейшей видоизмененной форме произошло здесь не ранее XV-XVI веков. Даже поверхностное ознакомление с этим новым этапом выявляет многие тому свидетельства, которые, естественно, требуют обобщенного представления в отдельном исследовании.²³

ЛИТЕРАТУРА

1. Иваново встречает Патриарха Алексия II. // Рабочий край. 19 августа 1993. Архимандрит Амвросий. Храните веру отцов. // Ивановская газета. 13 ноября 1993. Устинов А.П. Роль и место религии в системе культуры. // Условные проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.
2. Житие Константина Муромского. // Пролог. XVII в. Собрание Плесского музея-заповедника.
3. Кирьянова Н.А. Земледелие Северо-Восточной Руси XI-XV вв. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. Кирьянова Н.А. Отпечатки зерен на керамике Пеньковского городища. // Материалы третьей научно-практической конференции: Проблемы изучения Плеся. Плес, 1990. Красис Ю.А. Раннее земледелие и скотоводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. Вишневский В.Ю. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1991.

4. Розанова Л.С. Кузнечная продукция и техника ее производства на северо-востоке Руси. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
5. Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989, с.187, 189. Мельникова Е.А. Новые находки скандинавских рунических надписей в СССР. // Труды пятого Международного конгресса славянской археологии. М., 1987, том III, вып.16. Ахмедов И.Р. Сосуд со знаками из могильника Коряблино. // Труды ГИМ. М., 1994, вып.85.
6. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА. М., 1961, вып.94. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. // Археология СССР. М., 1987. Травкин П.Н. Микшинское финское селище на р.Увель. // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1990, вып.4.
7. Очерки русской культуры XVII века. М., 1977, с.154.
8. Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X-XX вв. М., 1992, с.22-29.
9. Рапов О.М. Русская церковь в IX-первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1988, с.322-324.
10. Пролог. XVII в. Собрание Плесского музея-заповедника.
11. Рыбаков Б.А. Космогоническая символика "чуждых" шаманских бляшек и русских вышивок. // Финно-угры и славяне. Л., 1979. Рыбаков Б.А. Новые данные о культе небесного оленя. // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. Травкин П.Н. Зооморфная поделка с Микшинского селища. // СА. 1991, № 1.
12. Рыбаков Б.А. Космогоническая символика..., с.29-30.
13. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983, с.45. Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. М., 1984.
14. Введение христианства на Руси. М., 1987, с.270.
15. Травкин П.Н. Раскопки Плесского посада в 1989 году. // АПКМ. Иваново, 1989, вып.2. Травкин П.Н. Отчет о раскопках в

г.Плесе в 1990 г. // Архив ИА РАН, Архив Плесского музея-заповедника.

16. Травкин П.Н. Раскопки Плесского посада..., с.4. Травкин П.Н. К истории строительных обрядов. // Археология Верхнего Поволжья. Н.Новгород., 1991, с.93.
17. Травкин П.Н. Отчет о раскопках комплексного памятника "Холодная гора" в г.Плесе в 1993-1994 гг. // Архив ИА РАН, Архив Плесского музея-заповедника.
18. Седова М.В. О двух типах иконок-привесок Северо-Восточной Руси. // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
19. Введение христианства..., с.246. Уткин А.В., Ерофеева Е.Н. Курганный могильник близ деревни Рыжково на р.Кинешемке. // АПКМ. Иваново, 1989, вып.1.
20. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
21. Никольский Н.М. Указ. соч., с.25-30. Введение христианства..., с.256.
22. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986, с.124.
23. Данное исследование оказалось опубликовано раньше, но без сопровождающего справочного аппарата. см.: Травкин П.Н. Установление православия в восточной части Волго-Клязьминского междуречья. // Краеведческие записки. Иваново, 1985.

ОБ ИКОНОСТАСЕ КОНЦА XV - НАЧАЛА XVI ВВ.

ЦЕРКВИ НИКОЛЫ В ГОСТИНОПОЛЬЕ

А.Г. Мельник, г.Ростов

Из Никольской церкви села Гостинополье на р.Волхов /между Новгородом и Старой Ладогой/ происходит комплекс икон ее древнего иконостаса. Сохранившиеся иконы полнофигурного деисусного чина, кроме "Исанна Златоуста", принято относить ко второй половине - концу XV в.. Последняя икона, а также дошедшие до нас иконы праздничного, поясного пророческого чинов, царские врата и одна местная икона датируются концом XV - первыми годами XVI в.¹ В недавнее время Вл.В.Седов опубликовал статью, посвященную архитектуре утраченной церкви Николы в Гостинополе, которую он отнес ко времени между 1471 и 1475 гг.² В результате появилась возможность выполнить более или менее достоверную реконструкцию древнего иконостаса церкви.

Согласно упомянутым чертежам, ширина Никольской церкви, взятая по линии расположения иконостаса, составляла около 533см. Это позволило определить первоначальное количество икон в каждом из иконостасных чинов. Оказалось, что деисусный чин состоял из девяти икон. Утрачены центральная икона Спаса и крайняя левая - видимо, какого-то святителя. Ранее исследователями было установлено, что изображения каждого праздника и находившегося над ним пророка первоначально располагались на одной вытянутой по вертикали доске. Причем по высоте праздничные иконы точно равнялись пророческим. Позднее по границе изображений эти доски были распилены пополам. Таким образом, для крепления первоначального иконостаса требовалось только три тябла: нижнее, среднее и верхнее.

Изображения праздников и пророков были, видимо, написаны на одиннадцати досках, средняя из которых имела в два раза боль-

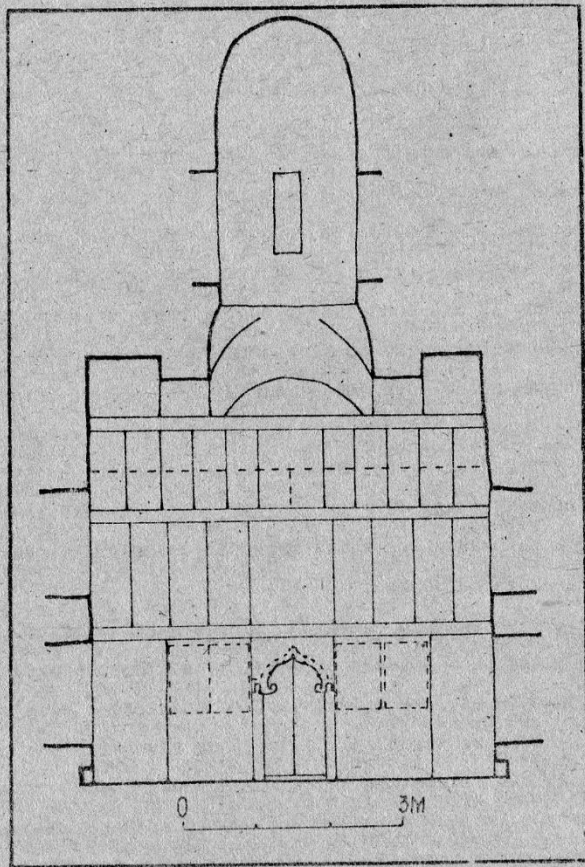

Рис.1. Поперечный разрез ц.Никола в Гостинополе.
Реконструкция иконостаса.

шую ширину, чем остальные. В ее нижней половине располагались изображения двух праздников, которых, следовательно, во всем ряду было двенадцать, в верхней же половине средней иконы помещалось, очевидно, изображение "Богоматери Взаменения". Справа и слева от нее находились иконы десяти пророков.

В иконостасах небольших русских храмов XV-XVII вв. высота

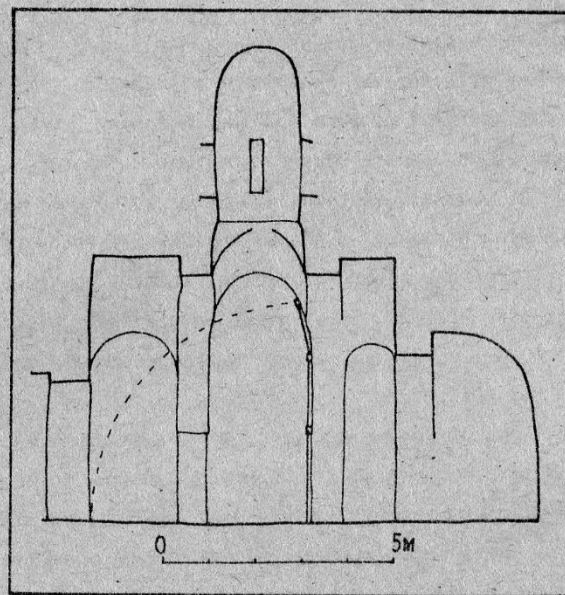

Рис.2. Продольный разрез ц.Никола в Гостинополе. Реконструкция иконостаса.

табловых брусьев равнялась примерно 15-16 см. Будем считать, что и табла рассматриваемого весьма небольшого иконостаса обладали сходными вертикальными размерами. Теперь суммируем высоты каждого из верхних ярусов данного иконостаса, а также трех его табл, и вычтем сумму обычных вертикальных размеров пазов для икон в этих таблах. В результате получим высоту иконостаса / без местного ряда / , равную 291-294 см..

Чтобы укоренить данный иконостас в интерьере Никольской церкви, необходимо определить, на какой высоте от пола располагалось его нижнее табло. При полной утрате здания установить это можно лишь с известной долей гипотетичности.

Очевидно, наиболее вероятным уровнем расположения табла

является граница между круглой нижней частью западных подкупольных столпов и их верхней квадратной частью. Зная высоту круглых частей западных столпов Никольской церкви /около 140 см/, можно определить и общую высоту иконостаса от пола до его верхней отметки. Она равнялась примерно 481-484 см. Учитывая все вышесказанное, выполним графическую реконструкцию рассматриваемого иконостаса. Местные иконы в данной реконструкции показаны условно. Их размеры соответствуют размерам сохранившейся местной иконы "Явление ангела женам мироносицам" / 80 x 58,5 см / рис.1,2/.

Верхняя зона алтаря поверх иконостаса совершенно не просматривалась из пространства для молящихся. И лишь очень небольшая часть подкупольного пространства была видна из алтаря. Замечательно, что высота иконостаса почти точно совпадала с длиной промежутка от западного входа в храм до иконостаса.

При сопоставлении фотографий интерьера Никольской церкви с нашей реконструкцией ее иконостаса обнаружилось следующее. Очевидно, его верхние иконы частично заслоняли настенную роспись, которую датируют временем написания основной группы икон деисусного чина, то есть второй половиной - концом XV в.. Ранее уже указывали на возможную разновременность большей части деисусных икон и верхних икон иконостаса. В какой-то мере наша реконструкция подтверждает это мнение.

По-видимому, во второй половине XV в. сразу после строительства храма и окончания его росписи существовал иконостас, состоявший из одного деисусного чина - ситуация, вполне характерная для Новгорода той эпохи. У конце же XV - нач.XVI вв. данный иконостас был дополнен иконами праздников и пророков. Такой иконостас принадлежит к старейшему типу высокого полного иконостаса, возникшего в 1408 г. во Владимирском Успенском соборе и окончательно оформившегося около 1427 г. в Троицком со-

боре Троице-Сергиевского монастыря.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Смирнова Э.К., Лаурин В.К., Гордменко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М.,1982, с.269-290, 336-343.
- 2.Седов Вл.В. Церковь Николая в Гостинополе XV века. // Архитектурное наследие и реставрация. М.,1990, с.213-225.

ИКОНОГРАФИЯ СВЯТЫХ ПУСТЫННИКОВ ПОВОЛЖЬЯ

В.Г. Пуцко, г. Кадуга

Изучение локальной иконографической традиции на материале изображений русских святых является одинаково актуальным как для краеведения, так и для истории изобразительного искусства. Прокладывая, отражающие становление иконного образа тех или иных святых, и новые, которые большей частью представляют его переосмысление, в своем целом позволяют судить прежде всего о популярности подвижников в местах, известных как область их земного обитания. В прямой зависимости от этого стоит число иконных изображений и их вариативность. При всех чертах оригинальности, сказывающейся преимущественно в композиции и построении архитектурного пейзажа, иконы отражают явление, корни которого уходят в сумерки христианского средневековья. Таким образом, тема "Иконография святых пустынножителей Поволжья", при всей своей конкретности, затрагивает более широкую проблематику. Соответственно, результаты анализа икон должны найти отражение в общей схеме истории русского церковного искусства.

В свое время была сделана попытка на основе рукописи рубежа XVI-XVII вв., дополненной иными материалами, представить по возможности наглядно местные культы русских святых.¹ На Руси особенно продуктивным в развитии пустынножительства оказался XV век,² это движение, у истоков которого стоял преп. Сергей Радонежский, охватило, в частности, и Верхнее Поволжье.³ Различная судьба постигла основанные там монастыри, но некоторые из их основателей впоследствии были причислены к лику святых, и их иконостасные изображения, естественно, большей частью вы-

полняли именно в этой местности.

О внешнем виде святого встречаются сведения в "Иконописном подлиннике", на основе которых позже было составлено руководство для иконописцев.⁴ Однако указания большей частью самого общего характера. Например, о преп. Макарии Келтоводском сказано: "Подобием стар и сед, лицом блед, власы прости на голове, брада аки Сергия Радонежского, в руке свиток".⁵ О преп. Макарии Калязинском - "Подобием стар и сед, брада поменьше Василия, не раздвоилась, риза преподобническая, ряска празелень с белыми".⁶ В обоих случаях речь идет о типологии иконного образа, традиционно игнорировавшей собственно портретное сходство.

Тем не менее, как показывают византийские материалы и реалии, получившие отражение в русских житийных иконах, первым образом скончавшегося подвижника было его чаще всего погрудное изображение, помещенное над местом погребения. Этот эпифанальный портрет и служил позже источником иконописных изображений, задачей которых была трансформация "подобия" в сакральный образ. Вероятно, эта стадия не всегда оказывалась обязательной. Не отсутствие иконописных изображений некоторых преподобных вообще и указаний на их внешность в "Иконописном подлиннике" говорят о том, что не злоупотребляли правом на использование художественного вымысла.

Преп. Макарий Келтоводский скончался в 1444 г., а канонизирован в нач. XVII в., при патриархе Филарете /1619-1633/. Он прожил долгую и многотрудную жизнь, основал Макарьев Келтоводский Троицкий и Макарьев Унженский Троицкий монастыри.⁷ Его иконы были очень популярны в Поволжье. На одной из них, выполненной в первой половине XVII в., вскоре после канонизации, подвижник изображен стоящим в пустыне, в молении к облачной Тро-

ние Ветхозаветной.⁸ Но позже деятельно разрабатывается иконописная композиция со тщательно воспроизведенным каменным монастырским ансамблем. Среди таких икон известны датированные 1661 и 1694 гг.⁹ Развитие этой схемы может быть прослежено уже на материале произведений XVIII в., среди которых есть немало интересных по живописи и ценных как исторический источник. Особо могут быть рассмотрены паломнические иконы, обычно небольших размеров.

Преп. Макарий Калужинский, скончавшийся в 1483 г., на иконе 2 пол. XVII в. представлен также в молении к облачной Троице, стоящим на облачном зеленом поземье.¹⁰ Однако существовал и вариант композиции с монастырским ансамблем, и именно он во 2 пол. XIX в. был положен в основу изображений на паломнических иконах в технике финифти, изготовляемых в Ростове Великом.¹¹ Осмысление образа преп. Макария Калужинского возможно с учетом как сохранившихся его икон, так и резных деревянных образков и литографий.

Современник этого святого преп. Тихон Луховский скончался в 1503 г., а мощи его обретенны в 1569 г.; житие с посмертными чудесами составлено только в 1649 г.. Вероятно, примерно к этому времени относятся и наиболее ранние его иконные изображения. Похоже, что они не получили такого широкого распространения, как иконы двух предыдущих пустынножителей, но зато были весьма популярны в медном литье с сер. XVIII в.. Преподобный Тихон обычно представлен согласно иконописному оригиналу, в поясном виде, в схеме.¹²

Изложенные наблюдения никак не претендуют на роль выводов, но, поставленные в контекст более широкого материала, — изображения пустынножителей центральных земель и Русского Севера — подтверждают, что: а/ изображения преподобных как основате-

лей монастырей /на фоне архитектурного панорамного пейзажа/, появляется только в первые десятилетия XVII в.; б/с ними существуют иконы, представляющие преподобных в молении /на нейтральном фоне/ или "портретно", в соответствии с византийской традицией. Но если подвиги пустынножителя выходили за рамки традиционных, в его иконописное изображение привносился реализм. Так, например, обстояло дело с изображениями калужских святых рубежа XV—XVI вв., то есть современников упомянутых поволжских.¹³

К сожалению, много упущено времени и возможностей для изучения иконографии русских святых как в дореволюционный период, так и в послереволюционные десятилетия. Правда, были предприняты попытки составления иконографической картотеки, но работа осталась неоконченной и собранные материалы практически недоступны исследователям. Это следствие большого замысла, не соответствующего с реальными силами его исполнителей, и, очевидно, больше пользы было бы от частичного, но конкретного осуществления столь важного дела. Иконография святых пустынножителей Поволжья позволяет пойти по пути накопления материала, который легко может занять свое место в общерусской культурно-исторической схеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга глаголемая Описание о российских святых, где и в каком граде или области или монастыре и пустыни поживе и чюдеса сотвори, всякаго чина святых. Дополнил биографическими свед. Толстой М.В.. М., 1981.
2. Пушко В.Г. Русское монашество XV века. Калуга, 1992.

3. Чайнова А.В. Духовное влияние преподобного Сергия на плесские земли. // Плесский сборник. Плес, 1993. Вып. I, с. 74-76.
4. Руководство к писанию икон святых угодников божиих в порядке дней года, содержащее сказания о внешнем виде их, об одеждах, возрасте, типе, с приложением рисунков одежд. Опыт пособия для иконописцев. Сост. Фартусов В.Д.. М., 1910.
5. Барсуков Н. Источники русской агнографии. СПб., 1882. Стб. 335.
6. Там же, стб. 340.
7. Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. Изд. 2-е. СПб., 1862, с. 152-153.
8. Russische Heilige in Ikonen. Recklinghausen, 1988, s. 78-79.
9. Балакин П.П. Икона "Макарий Желтоводский" Симона Ушакова. // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989, с. 246-253. Преподобный Сергий Радонежский. М., 1992, илл. 110.
10. Там же, илл. 115.
11. Russische Heilige in Ikonen, s. 74-75.
12. Kirchenschatze des Christlichen Ostens. Metallikonen. Recklinghausen, 1986, № 63.
13. Пуцко В.Г. Иконы с изображениями калужских святых. // Тысячелетие Крещения Руси. Русь в Европе. Лейпциг, 1993, с. 519-539.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В ИСТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ЗЕМЛИ

/ к 775-летию со дня рождения /

А.Е. Дьяков, Ю.В. Козлов, г. Иваново

В июне 1995 года мы праздновали 775-летие Александра Невского, небесного покровителя /патрона/ Санкт-Петербурга, Царицына /Сталинграда/, Иваново-Вознесенска /Иванова/.

В 1253 году он стал великим князем Владимирским. Тяжелое время переживала Русь в те годы. Губительным смерчем обрушилось на нее ордынское нашествие, поставившее под угрозу существование русского народа. "Только дым и земля, и пепел" - горестно воскликнул об этом времени русский летописец. В этот переломный момент великим князем Владимирским становится человек, уже умудренный опытом, в котором блестяще сочетались талант политика, дипломата, полководца. Лишь только подобное счастливое сочетание военных и политических усилий, помноженных на дипломатическое искусство, могло спасти Русь от уготованной ей губительной судьбы.

Александр /греч.: "защитник людей"/ родился 20 мая 1220 г. в Переславле. В молодые годы он участвовал в походах отца Ярослава Всеволодовича. С 1236 по 1252 гг. княжил - с перерывами - в Новгороде. Победа, одержанная в 1240 году над шведами, закрепила за ним почетное имя Невского. В 1242 году Александр совершил свой второй полководческий подвиг: разбил немецких рыцарей на Чудском озере. "Храбрый Александр принудил рыцарей к миру" - с грустью примечал немецкий летописец. В продолжении своей жизни Александр участвовал более чем в двадцати битвах; где одержал блестящие победы. Вот почему его старшинство было признано безоговорочно не только на Руси, но и в Орде.

Александр Невский видел для Руси только один единственный

путь: поддерживать мир с Ордой и сделать все возможное для того, чтобы семена государственности, посеянные Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом, дедом Всеволодом Кривичем, дали всходы. В результате четырех поездок в Орду и двух путешествий в Каро-корум Александр не только многие годы предотвращал ордынские погромы на Руси, но и сумел возродить и укрепить центростремительные силы.

В отношениях Руси к хану ему удалось придать делу такую форму, что только перепись населения и раскладка дани были поручены ордынским чиновникам, а все прочие дела по управлению государством остались в руках природных русских князей. Они сохранили свое право суда по родным законам, право войны и мира без ведома хана и, наконец, что важнее всего, неприкосновенность не только веры, но и церковного устройства. Таким образом Александр достиг того, что Русь, совершенно покоренная монголами и не имевшая возможности бороться с ними, получила от своих властителей право державы почти самостоятельной.

За время княжения Александра Невского Северо-Восточная Русь сумела залечить свои раны, отстроила города, победами над интервентами Запада прославила свои полки.

Последний земной подвиг защитник Русской земли совершил, когда в четвертый раз отправился в Орду, чтобы избавиться от обязанности присылать хану вспомогательное войско и оправдать избиение и изгнание из городов Суздальской земли "бесерменских купцов" — хивинцев-мусульман, которые откупили тогда у монголов дань русских княжеств и мучили христиан бесчеловечным сбором податей.

Князь успел во всем: даже в столице хана Берке ему разрешили учредить православную епархию.

На обратном пути Александр заболел и 14 ноября 1263 года

умер в Городец. Перед смертью он принял схиму с именем Алексей /"защитник"/. Тело великого труженика за Русскую землю было перевезено во Владимир и 23 ноября погребено в соборной церкви Рождественского монастыря.

"Соблаждение Русской земли — говорит известный историк С.М.Соловьев, — от беды на востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси и сделали его самым видным историческим лицом от Мономаха до Донского." I

Церковь причислила его к лику святых. В год Куликовской битвы, в 1380 году, во Владимире были открыты мощи героя. В 1724 году по велению Петра I они были перенесены в Санкт-Петербург в монастырь, построенный за 10 лет до того на месте, где Александр разгромил шведов в 1240 г. /ныне Александро-Невская лавра/. Было установлено праздновать память князя 30 августа, в день заключения со Швецией Нейштадтского мира /1721 г./.. Кроме того, церковь совершает память Александра 23 ноября, в день погребения его во Владимире.

Память князя увековечена в учреждении орденов Александра Невского: в петровские времена это было сделано в 1725 году, а в наши дни — в июле 1942 года. Именем Невского были названы и воинские подразделения, громившие фашистов на полях сражений.

Многими историческими линиями связана судьба князя Александра и его имя с нашим краем.

Нынешняя территория области входила в состав Владимиро-Суздальской земли, и князь неоднократно здесь проезжал и останавливался. Так, например, в 1259 году по дороге из Новгорода во Владимир он проезжал через Ростов. Далее его путь на Суздаль и Владимир напрямик лежал через современный Ильинский и Гаврилово-Посадский районы. Последний путь Великого

князя, скончавшегося в Городце в 1263 году, видимо, мог проходить по линии Мит-Нелех-Шуя-Межнево-Суздаль-Боголюбво-Владимир. Схема, естественно, условная, но сохранившаяся система дорог показывает, что других путей не могло быть. Несмотря на летописное описание мороза, реки еще не сковал лед, а болотистая местность была естественной преградой для движения скорбного отряда с телом князя.

Память Александра Невского глубоко чтится. Много храмов в честь князя стояло и стоит в городах и селах России. Самый большой храм страны - Исакиевский собор - воздвигнут в Петербурге в память патрона города Александра и царя Петра I, так как оба этих выдающихся защитника севера Руси родились 30 мая, в день, когда церковь чтит память преподобного Исаакия далматского, жившего в IY веке.

Благоверный князь является небесным покровителем и города Иваново-Вознесенска. При получении статуса города в поселении было совершено освящение одной из церквей в главный городской храм. Это важнейшее религиозное событие /как для человека - крещение или венчание/ произошло в Иваново-Вознесенске 30 августа 1873 года - в день памяти Александра Невского был освящен Покровский собор.

В честь этого события главная улица на Посаде была переименована в Александровскую /ныне проспект Ленина/, сооружена часовня Александра Невского на пересечении современных улицы Садовой и проспекта Ф.Энгельса /снесена в 1925 году/.

В нашей области храмы во имя Александра Невского сооружены в Кинешме, Родниках, Колуе и др. Во многих церквях мы увидим изображение покровителя земли Русской. Например, на стенах Преображенского собора в Иванове - два лика святого, поясной и в полный рост. Во многих семьях хранятся или хранились иконы

с изображением Великого князя. Образ святого благоверного князя всегда был любим в народе. Даже император Александр I получил свое имя в честь святого Александра Невского.²

Глубоко символично, что 50-летие победы над фашистской Германией почти совпадает с 775-летием со дня рождения князя Александра, защитника Русской земли. Постоянное обращение к его святому образу позволяет русскому народу черпать душевные силы в самые кризисные ситуации жизни Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1991, том I, с. 156.
2. Там же, с. 156.

"ГОРЫ ГИПЕРБОРЕЙСКИЕ" И НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ
 ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЛЕСА
 А.Б.Дьяков, г.Иваново

Основной причиной возникновения Плеса послужило чрезвычайно выгодное географическое положение его участка.

Как известно, средняя полоса Русской равнины включает главные водораздельные линии Русской равнины, поделившей реки Балтийского, Черного, Северного и Каспийского морей. В связи со смещением центров мировой торговли на север все большее значение приобретает волжский торговый путь, ставший в XV веке практически основным. Водораздельные линии издревле имели бесчисленное множество волоков, по которым можно было проникнуть на Волгу из Заволочья и Балтийского бассейна. Именно через них во второй половине XIV в. хлынули отряды ушкуйников, вооруженные Новгородом /уже в 1360 г. съезд русских князей совместно с представителями Орды в Костроме обсуждали проблему безопасности Волжского торгового пути/.

В это время большую роль стал играть важный природный рубеж - водораздельная возвышенность, образованная полосой высот Московско-Смоленской возвышенности, Клинско-Дмитровской, Ростово-Плесской, Плес-Галической гряд, переходящих в Северные увалы. Эта водораздельная полоса была известна издревле. В частности, на карте Птолемея II века н.э. она была обозначена как Горы Гипербореи.¹

Рассмотрим памятник древнегреческой картографии /рис.1/. Обозначенный хребет на Русской равнине, протянувшийся от Карпат до гор Рипейских /Уральских/, точно совпадает с водораздельной возвышенностью, указанной выше, а гидрографическая сеть Восточ-

ной Европы на карте Птолемея поразительно узнаваема.

Реки /см. на карте слева направо/, впадающие в Понтийское /Черное/ море: Дунай, Прут, Днестр, Буг, Борисфен /Днепр/, Дон, Маныч, Эл, Кубань, Ингури. В Каспийском море: Терек, Ра /Волга/, Узень, Урал, Уил, Эмба. В Венедское /Балтийское/ море: Висла, Нямунас, Даугава /Зап.Двина/, Великая. Притоки Волги: Ока, Кама, Самара. Карта Птолемея - первая карта, где обозначено место размещения Плеса. Это - пересечение Волги и Гор Гипербореи.

Место пересечения Волги и гор Гипербореи, судя по археологическим данным, к началу I тыс. н.э. было достаточно плотно заселено представителями дьяковской археологической культуры.² Результаты раскопок свидетельствуют о высокой степени их развития в материальной и духовной сфере, об их широких культурных связях.³

Гиперборея - в греческой мифологии народ, живущий на крайнем севере, "за Бореем", и особенно любимый Аполлоном. Гиперборея относится к числу народов, близких к богам и любимым ими. Блаженная жизнь сопровождается у Г. песнями, танцами, музыкой и пирами: вечное веселье и благоговейные мотивы характерны для этого народа жрецов и слуг Аполлона...⁴

Мощной полосой, идущей на северо-восток от Смоленско-Московской возвышенности до Уральского хребта, указанный водораздел прорезал не только северо-восточную и западную часть Руси, но также и территорию всей Верхней Волги, где размещались Тверское, Ярославское и другие княжества и удел с густой и развитой речной сетью /с преобладанием левых притоков: Селижаровка, Тверца, Медведица, Молога, Шексна, Кострома и др./ Там, где Волга пересекает Плес-Галическую гряду, река сужается, крутые и высокие, до 70 м, берега стесняют глубоководную и узкую

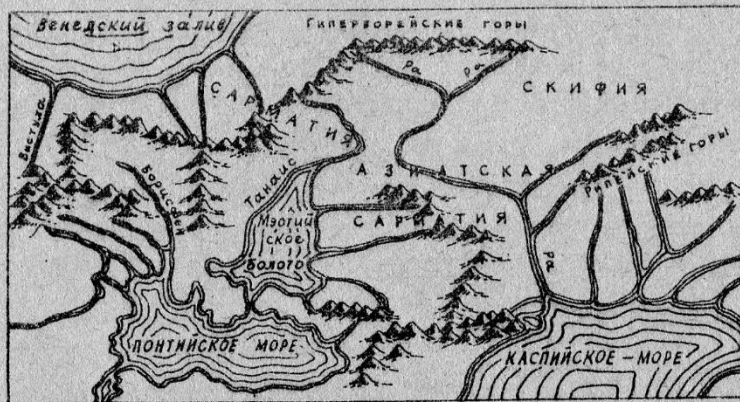

Рис.1. Восточная Европа на карте Птолема /ок.90-160 гг./

долину, образуя так называемые Плесские Ворота. Эта зона характеризуется мелкой изрезанностью, сильной пересеченностью местности с множеством ручьев, оврагов, с частыми выходами коренных пород, многотеррасным рельефом и плоским плато. Нижнюю, I террасу образовал бичевник, "вязкий от струй многочисленных ключей, выходящих из гор". На II террасе расположена историческая "подольная часть города", III терраса имеет высоту 60-70 м от уровня воды. Глубинную часть сглаженного плавного рельефа плато занимает множество болот, заболоченных мест /земель/. Рельеф берегов сильно пересеченный, горного типа, с множеством ущельеобразных оврагов. Дремучие сосновые леса в древности подступали к самой воде. Плес богат строительными материалами; местными материалами являются: красная глина, известь, р. сплагается крупнейшее на Верхней Волге валунно-гравийно-песчаное месторождение /плесским валунным камнем созданы перемычки Горьковской и Гибинской ГЭС, укреплены берега Волги

от Городца до Ярославля; строительный материал из-под Плеса широко использовался при строительстве канала Москва-Волга и в других местах/.

Важными стратегическими соображениями был продиктован выбор места строительства крепости в сложном для освоения человеком ландшафте. Это - возможность скрытого размещения значительных, до 5 тыс. человек, крупных военных подразделений, наличие трех естественных пристаней и полная защищенность самой природой с напольной стороны и Волги. Сознательное сохранение непроходимых мест /полное отсутствие пашни, дорог, сильно пересеченный горного типа рельеф, сплошные "заповедные леса", "весь берег очень вязок от струй ключей, выходящих из гор"/ - всё это образовывало то, что называли в XV веке "твердосги самородине".

ЛИТЕРАТУРА

1. Сейбутис А.А. Индоевропейцы: палеология и природные сюжеты мифов. // Природа, 1989, № 8, с.102.
2. Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.
3. Травкин П.И. Исследования в Плесском музее-заповеднике. // Археологические открытия 1994 года. М., 1995.
4. Мифологический словарь. М., 1991, с.155.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
АПВКМ	- Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ИА РАН	- Институт археологии Российской Академии Наук
ИГАИМК	- Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР	- Материалы по археологии восточных губерний России
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
РГБ	- Российская Государственная библиотека
СА	- Советская археология
Тр.ГИМ	- Труды Государственного Исторического музея

СОДЕРЖАНИЕ

Т.В.Гусева, Нижний Новгород. Культурный слой средневекового Городца и его охрана	3
П.Н.Травкин, Плес. Исторические корни плесского ювелирного искусства	9
И.И.Рыкунова, А.Н.Рыкунов, Рыбинск. Раскопки 1994 года в городе Рыбинске	16
В.И.Вишневский, Сергиев Посад. Новые археологические исследования центров средневековых волостей /Северное Подмосковье/.....	20
Ф.Х.Арсланова, Тверь. Погребения под "сводом" у села Избрижье	26
В.Ю.Коваль, Москва. Комплексы со стеклянными браслетами из Ростиславля Гызанского	39
П.Г.Аграфонов, Ярославль. Стеклянные перстни Ростова Великого /предварительное сообщение/	49
Е.К.Кадиева, Ярославль. К вопросу о ранней красноглиняной керамике Ростова Великого.....	52
Н.А.Кирьянова, Москва. Черновые находки на городище Пеньки	57
П.Н.Травкин, Плес. Язычество и первые попытки христианизации раннесредневекового населения Ивановского края	59
А.Г.Мельник, Ростов. Об иконостасах конца XV - начала XVI вв. церкви Николая в Гостиниполье.....	71
В.Г.Щуцко, Калуга. Иконография святых пустынножителей Поволжья	76

А.Б.Дьяков, Ю.В.Козлов, Иваново. Александр Невский в истории Ивановской земли	81
А.Б.Дьяков, Иваново. "Горы Гиперборейские" и некоторые материалы для изучения Плеса	86

Подписано и печати 20.09.96 г. Заказ 840. Тираж 300 экз.
Биро ОП Илобкомгосстат